

Жорж Онэ

Кутящий Париж

Жорж Онэ

Кутящий Париж

«Public Domain»

1898

Онэ Ж.

Кутящий Париж / Ж. Онэ — «Public Domain», 1898

«Сухой, оглушительный треск громового удара... Огненный зигзаг молнии прорезал тучу, отбрасывая мертвенный свет на воды Луары. Лошадь, запряженная в открытый экипаж, проезжавший по длинному мосту Блуа под ливнем дождя, в испуге взвилась на дыбы. Женский голос крикнул из экипажа:— Боже мой, мы пропали!— Да нет же, не бойтесь, — отвечал другой, твердый, голос. — Еще сто шагов, и мы будем у подъезда этого проклятого нотариуса!.. Кучер, поезжайте скорее, хлестните хорошенько вашу лошадь, если она артачится...»

© Онэ Ж., 1898

© Public Domain, 1898

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Жорж Онэ

Кутящий Париж

Глава 1

Сухой, оглушительный треск громового удара... Огненный зигзаг молнии прорезал тучу, отбрасывая мертвенный свет на воды Луары. Лошадь, запряженная в открытый экипаж, проезжавший по длинному мосту Блуа под ливнем дождя, в испуге взвилась на дыбы. Женский голос крикнул из экипажа:

– Боже мой, мы пропали!

– Да нет же, не бойтесь, – отвечал другой, твердый, голос. – Еще сто шагов, и мы будем у подъезда этого проклятого нотариуса!.. Кучер, поезжайте скорее, хлестните хорошенько вашу лошадь, если она артачится.

Кучер, сидевший на козлах экипажа, ударил бичом по спине своей приземистой, плотной лошади так сильно, точно хотел расцезать ее пополам. Она заржала от ярости и, рванувшись вперед при вспышках молнии, под струями воды помчалась по набережной, завернула на улицу и остановилась перед домом из тесаного камня, дверь которого была украшена двумя позолоченными гербами.

– Уф! Выходите!

Двое мужчин и дама, закутанные в плащи, прикрытые пледами, вышли совершенно мокрые из экипажа. Один из путешественников, высокий мужчина, нетерпеливо дернул звонок. Ему отворили не сейчас, и он принялся барабанить набалдашником своей трости в дубовую дверь. Тогда оттуда выглянул растерявшийся клерк и при виде трех приезжих, промокших до нитки, произнес тоном отчаяния:

– Ай-ай! Досталось же, должно быть, хозяйской лошади!

– Она не мокрее нас, юноша, – заметил мужчина с тростью, – а ее здоровье далеко не так драгоценно, как наше.

Однако юркий малый, по-видимому, не особенно смутился от этих слов. Он распахнул одну дверь с мягкой обивкой, а потом другую, которая вела в кабинет хозяина, и сказал:

– Прошу покорно войти, господа. Камин затоплен. Сейчас я дам знать господину Леблану... Он не ожидал вас так рано и пошел в суд...

– Хорошо, – отвечал путешественник, который как будто распоряжался всем. – Самое важное для нас – обогреться... Садитесь, сударыня, и раскутывайтесь.

Из-под складок пушистой шотландской шали, среди капюшонов и воротников плаща с накидкой на плечах, выглянула белокурая хорошенькая женская головка, растрепанная, но уже с улыбающимся личиком. Снятый плащ обнаружил восхитительный стан, обтянутый суконным корсажем, а из-под платья, от которого пошел пар, грациозным движением протянулись к каминной решетке две миниатюрные ножки.

– Ах, я действительно перепугалась на этом бесконечном мосту, когда так страшно грянул гром!.. Молния, должно быть, ударила недалеко от нас...

– Да прямо в реку, приблизительно в ста метрах слева, – подтвердил второй путешественник. – Я только не хотел вам говорить, вы и без того не помнили себя от страха.

– Прекрасная поездка в город, которую вы мне предложили! – заметила молодая женщина. – Другой раз я буду иметь к вам доверие.

– Ах, вы несправедливы ко мне, моя дорогая! Я вовсе не хотел брать вас с собой. С этим пристал к вам Томье...

– Леглиз говорит правду, сударыня, я один виноват и, что всего хуже, нисколько не раскаиваюсь.

– Браво, теперь вы станете доказывать мне, что для меня большое счастье находиться с вами в Блуа под проливным дождем, вместо того, чтобы преспокойно сидеть у себя в Париже...

– Пожалуй, это не большое счастье для вас, но, без сомнения, чрезвычайно приятно для вашего мужа и для меня... А что значит неприятность от этой грозы, тем более что она уже прошла, в сравнении с удовольствием, испытанным нами от вашего общества во время сегодняшней экскурсии и предстоящим еще за обедом в отеле «Франция»? Вероятно, мы будем есть с большим аппетитом после катанья на чистом воздухе. Вдобавок, разве не забавно показаться в этой провинциальной таверне?..

– Но найдется ли там приличный обед?

– В Блуа? Да что вы толкуете! Вас угостят здесь на славу, точно какого-нибудь принца или епископа, а вина, у них, прямо превосходны.

– Однако в ожидании этого я нахожусь в прелестном состоянии, растрепанная, с мокрыми волосами и в шляпе, превращенной в губку. Я не могу оставить этой развалины, у себя на голове...

Говоря, таким образом, молодая женщина снимала с себя шляпу перед каминным зеркалом и показывала своим спутникам измокший и перемятый остов того, что не дальше как сегодня утром было чудом парижской грации и изящества.

– Милая моя, – сказал Леглиз, – вы можете купить здесь более или менее приличную шляпку. Ведь Блуа не какой-нибудь поселок дикарей, в этом городке должна же существовать модистка. Пока я буду беседовать с нотариусом, ступайте вдвоем с Томье на поиски модного магазина. Надо же вам в чем-нибудь явиться в Париж. Тогда будет темно и никто не разглядит, хорош или нет ваш головной убор.

– Пойдемте, он говорит дело.

В это время на пороге показался запыхавшийся, спешивший хозяин дома.

– Извините, ради Бога, сударыня и милостивые государи. Я никак не ожидал, что вы вернетесь тотчас по такой погоде... Если б вы подождали лишний час в Монтришаре, то избегли бы грозы. Видите, она прошла и дождь перестал.

В окно, выходящее на набережную, виднелось уже голубое небо, по которому бежали облака, следуя течению реки.

– Грозы у нас непродолжительны, – сказал нотариус. – Они разделяются на Луаре и идут – одна половина к Туру, другая – к Буржу. Мы пользуемся приятным преимуществом...

– Во всяком случае, когда у вас пойдет дождь, так не на шутку, – заметил Леглиз. – Ах, какой был ливень! Наши плащи едва защитили нас, а шляпа моей жены превратилась в кисель. Нет ли у вас тут поблизости магазина, где можно найти что-нибудь подходящее в этом роде?

– Если б я осмелился, то предложил бы вашей супруге шляпу моей жены, но, пожалуй, она будет немного проста...

– Вы очень любезны... А где покупает шляпы госпожа Леблан?

– На площади Ратуши у нас есть модный магазин, где дамы находят все по парижскому образцу...

– Вот и прекрасно. Удовольствуемся тогда парижским образцом, – весело подхватил Томье, улыбаясь молодой женщине. – Угодно вам, сударыня, отправиться на поиски магазина?..

– Девиц Сесиль и Розы, – прибавил нотариус. – О, не думайте, это отличные модистки, по словам наших дам, они работают превосходно.

– Вот посмотрим! Значит, Леглиз, ты остаешься с господином нотариусом. Мы подождем тебя в отеле «Франция»...

– Само собой разумеется.

Хозяин бросился подавать своей гостье плащ, уже успевший просохнуть, и хотел проводить ее до порога прихожей, но та, высокомерно улыбаясь, попросила его не беспокоиться. И под руку со своим спутником, радуясь предстоящей экскурсии, она вышла из кабинета, оставив мужа наедине с нотариусом. Выйдя на улицу, Томье оглянулся по сторонам. Им предстояло перейти на противоположный тротуар. Мокрая мостовая, блестящая на солнце, заставила парижанку приподнять платье, и она грациозно перепрыгивала с камня на камень, ловко минуя лужи и не посадив ни единого пятнышка на свои изящные лакированные ботинки.

– Вы знаете, куда идти? – спросила она своего кавалера.

– Отлично знаю. Через пять минут мы будем в магазине.

Он шел возле нее, высокий и стройный. Его красивое лицо брюнета освещалось глазами уроженца Востока; грациозный рот смягчал общее выражение физиономии и оттенялся черными усами с молодецки закругленными кверху кончиками. Госпожа Леглиз, маленькая, тоненькая и воздушная блондинка с голубыми глазами и румяными губками, улыбалась, чуткая и внимательная, какою бывает всякая женщина в присутствии любимого человека.

– Как хотите, Жан, с вашей стороны было все-таки немного глупо, – сказала она фамильярным тоном, – уговорить моего мужа взять меня.

– Ведь хотел же он, чтоб я непременно участвовал в этой поездке?!

– Вы его друг...

– А вы, разве вы не моя...

Она сделала гримаску, помешавшую ему произнести слово, которое было у него на языке. Он продолжал:

– Ваш муж хотел, чтобы мы были с ним оба: это вполне естественно, И нам стыдно упрекать его в этом из-за ливня и испорченной шляпы. Завтра вы и не подумаете больше о мелких неприятностях сегодняшней прогулки, но еще долго будете вспоминать наши странствия по улицам Блуа в поисках модистки, у которой я куплю вам шляпу.

– Вы сумасшедший!

– Нисколько, разве из любви к вам! В последнем случае, действительно, я помешан. Вы выберете шляпу, а я за нее заплачу, это так же верно, как то, что мы стоим на площади Ратуши... Пойдите, вот магазин «Сесиль и Роза». Это тот самый... входите, сударыня, прошу покорно, для меня наступил момент самой разорительной щедрости!

Он отворил дверь очень скромного магазина, на окнах которого были выставлены разнообразнейшие головные уборы, начиная с бархатной шляпки с атласными завязками для женщины серьезной и кончая круглой кастровой шляпой с перьями для модницы. При звоне колокольчика, задребезжавшего внутри помещения, худощавая женщина кроткого вида поднялась с места, кладя на стол тюлевую форму, которую она шила. Модистка тотчас подвинула стул вошедшей молодой даме. Томье облокотился на прилавок.

– Мне хотелось бы, мадемуазель, приобрести совершенно простенькую шляпу взамен вот этой, которая вконец испорчена дождем...

Говоря, таким образом, госпожа Леглиз сняла с себя свой тюлевый ток и передала его хозяйке магазина. Та заглянула мельком внутрь шляпы, увидела имя крупной парижской модистки, и у нее на губах тотчас появилась легкая улыбка одобрения.

– Я знаю этот торговый дом, я там работала... Красивый товар. Сделано из ничего и хрупко, как крылышко мотылька... А цена двести франков. Здесь у нас требуются вещи попрочнее и подешевле.

Заказчица сделала отрицательный жест. Модистка не дала ей выговорить:

– Не бойтесь, сударыня, я знаю, что вам нужно... Только у меня ничего нет готового...

– Бог мой, но ведь я уезжаю сегодня вечером!

– Успокойтесь. Чтобы сделать шляпу, понадобится всего час времени... Я сию минуту позову мою подругу. – Она отворила дверь в глубине магазина и сказала: – Мадемуазель Роза, не будете ли вы так добры выйти сюда?

В ту же минуту появилась молодая девушка среднего роста с благородным и умным лицом, одетая очень скромно, но с манерами, не соответствующими положению провинциальной портнихи. Она слегка поклонилась, улыбнулась, показывая зубы ослепительной белизны, и спросила мелодичным голосом:

– Что вам угодно?

Однако ни госпожа Леглиз, ни Томье не могли сразу ответить. Они рассматривали вошедшую, удивленные и очарованные внешностью этой девушки.

Мадемуазель Сесиль между тем объясняла своей компаньонке:

– Для этой дамы надо безотлагательно сделать шляпу. Это форма Жиро.

– Так что же, ничего нет легче, – ответила мадемуазель Роза своим пленительным голосом с чудной улыбкой, освещавшей ее лицо. – Самая легкая кружевная отделка с маленькой черной эгреткой, выходящей из шелкового шу, с блестками из вороненой стали... Это будет безделица, стоящая пустяки, но она пойдет этой даме и будет гармонировать с необыкновенно счастливым выражением ее лица.

Томье одобрительно кивнул головой и весело сказал в ответ на вопросительный взгляд госпожи Леглиз:

– Это будет превосходно, и если шляпа выйдет наполовину такой удачной, как ее описание, то получится шедевр... надо приехать в Блуа, чтобы сначала услышать такие вещи, а потом их увидеть.

– И она будет готова очень скоро? – спросила молодая женщина.

– Скорехонько... мы примемся за нее обе: я и мадемуазель Сесиль. В какой гостинице остановились вы, сударыня?

– В отеле «Франция», где я обедаю сегодня вечером перед отходом поезда.

– Очень хорошо. Шляпа будет вам принесена в шесть часов.

– А цена?

– Сорок франков, – сказала мадемуазель Сесиль, по-видимому уполномоченная ее компаньонкой торговаться с публикой.

– Чудесно! – подхватил Томье. – Я заплачу за нее вперед, если вы позволите.

Он вынул из своего кармана два луидора, положил их на дощечку прилавка и со свойственной ему важностью принца обратился к госпоже Леглиз:

– Теперь, моя дорогая, когда вы успокоились насчет участи вашей шляпы, нам остается только поблагодарить этих девушек и отправиться заказывать обед.

– Извините, сударь, – остановила его модистка, – вы забыли сказать свою фамилию: мы должны знать, на чье имя отправить шляпу.

– Совершенно верно. Так запишите: госпожа Леглиз.

При этом имени Роза с живостью подняла голову и обменялась быстрым взглядом со своей подругой. Но она не сказала ничего. Томье и молодая женщина раскланялись и, провожаемые Сесиль, вышли из магазина. Они отправились дальше, не думая спешить. Главная цель их поисков была достигнута. Молодые люди медленно шли по улицам, которые были почти пусты, и окидывали взором веселые домики мирного городка.

– Ну что же, – заговорил Томье, нежно поглядывая на госпожу Леглиз, – вы по-прежнему сожалеете о своей поездке? Вам, действительно, сделалось неуютно в экипаже под проливным дождем, но сознайтесь, что эти две модистки развеселили вас.

– Совершенно верно. Одна из двух модисток – мадемуазель Роза, потому что другая вполне заурядная работница. Но первая из них, что это за девушка, которой, по-видимому,

совсем не место за прилавком, да еще в провинциальном магазинчике. Лицо ее мне кажется знакомым. Я готова поклясться, что встречала ее где-то, но где?

– У вашей модистки на улице Мира... Все эти девицы отличаются удивительным шиком, и, если бы их нарядить в шляпы, которые они продают, их было бы трудно отличить от светских дам.

– Да, но у этой не только шикарный вид, но и замечательная манера выражаться. Поверьте, мой друг, она здесь не на своем месте... Да, конечно, я уже встречала ее в свете, в театре... Одним словом, она не всегда была тем, чем сделалась теперь.

– Но что ж вам из этого? Вы волнуетесь... Однако вот мы и пришли в отель: зайдем небольшой зал и заставим хозяина разговаривать о ваших модистках; в маленьком городишке все известно. Если есть что рассказать о мадемуазель Розе, то вы услышите это сейчас же.

Они вошли. Пройдя в сопровождении лакея в общий зал, приезжие сказали, что желают обедать в отдельной комнате и хотели бы поговорить с хозяином. Маленький человек, совершенно круглый, в белом жилете, немедленно явился на их зов, принес с собою запах кухни, напоминавший путешественникам, что они позавтракали очень рано.

– Прикажете накрыть на два прибора? – услужливо осведомился он.

– Мы ожидаем еще одного господина.

– Хорошо. Тогда я предложу вам маленький зал, выходящий на площадь... если вы потрудитесь туда пройти...

И толстяк провел их темным коридором в довольно обширную комнату, освещенную красноватыми лучами заходящего солнца. Хозяин собирался зажечь газ, но Томье остановил его и распахнул окно:

– Это успеется, – сказал он, – обсудим меню.

Содержатель гостиницы вынул из кармана листик бумаги и карандаш, однако Томье заметил ему:

– Постойте. Прежде всего: через час для этой дамы принесут шляпку от модистки мадемуазель Розы; пожалуйста, распорядитесь, чтобы нам доставили ее сюда немедленно.

– Будьте покойны, сударь. Мадемуазель Роза... моя жена также заказывает ей свои шляпы.

Томье и госпожа Леглиз весело переглянулись.

– Значит, она работает на весь город?

– Исключая дам известного сорта, которые покупают себе шляпы в Париже, само собой разумеется... Но все порядочные особы заказывают ей...

– В таком случае она зарабатывает большие деньги?

– О, этим девицам не на что пожаловаться, потому что у мадемуазель Розы ведь есть компаньонка...

– Мы знаем, мы видели ту и другую. Но Роза – ведь это просто имя? У вашей здешней «Виро» должна же быть какая-нибудь фамилия?

– Ну, конечно, как и у ее подружки. Фамилия мадемуазель Сесиль – Компаньон. Она дочь старика Компаньона, служившего кассиром на заводе Леглиза в Париже.

– Как вы сказали? – с живостью перебила госпожа Леглиз.

Удивленный хозяин посмотрел на молодую женщину и подтвердил с довольной улыбкой:

– Вы, конечно, знаете большой завод Леглиза, где очищается золото? Ну, так вот, Компаньон прослужил там целых тридцать лет. Два года назад он удалился в Блуа в сопровождении своей дочери, которая открыла модный магазин с одной из своих подружек, мадемуазель Розой.

– С мадемуазель Розой, но как же ее фамилия? – спросила молодая женщина. – Вот это-то нам и хотелось бы узнать.

– Ах, мы и сами не знаем... Эти девушки приехали вдвоем, они работают вместе. Премильные девицы и скромные. Да, уж насчет нравственности – ни-ни... Никто о них не может сказать дурного слова, а ведь если б что-нибудь было, то в Блуа сейчас бы разнюхали – у нас народ любопытный.

– Оно и видно! – подхватил Томье. – Целых два года очаровательная девушка, приезжая из Парижа, которая называет себя просто мадемуазель Розой, могла прожить на глазах у всех в этом захолустье, и никому из обитателей Блуа не пришло в голову доискаться, кто она такая, чем была и чем может быть. Между тем подобная личность явно не рождена на то, чтоб шить шляпки для местной буржуазии. Она совсем не предназначалась судьбой сделаться модисткой и украшать головы дам Луары-и-Шеры, запомните это хорошенько, любезный; и я сильно сомневаюсь, чтобы жена вашего префекта, которая, вероятно, считает себя первой персоной департамента, была достойна застегнуть ботинки этой скромной труженицы!

Хозяин выпучил глаза, до такой степени слова гостя перевернули вверх дном все его понятие об иерархии. Выходка Томье рассмешила госпожу Леглиз, которая поднесла палец к губам, напоминая своему другу об осторожности. Тот сейчас же рассмеялся и сказал:

– Впрочем, милейший, это мне решительно все равно, и я сам не знаю, зачем говорю вам все эти вещи насчет молодой девушки, с которой встретился только на одну минуту, чтобы купить у нее шляпу в сорок франков. Скажите-ка лучше, что вы нам дадите к обеду? Это будет поважнее.

– Вам, сударь, вздумалось пошутить, – добродушно заметил содержатель гостиницы. – Мы в Блуа любим шутки и понимаем их не хуже парижан.

– Хорошее дело!

– Итак, я предложу вам форель с острым соусом, специальность нашего заведения. Смею сказать, что нигде в целой Франции не умеют сделать так соуса ромулад, как у меня.

– Будь по-вашему: ромулад так ромулад.

– А потом жареное турнедо с гарниром из гусиной печенки, трюфелей и сморчков.

– Согласен.

– После того бекасы на канапэ; к этому смею рекомендовать Кло-де-Вужо 84 года, которое бесподобно. Я не всем предлагаю это вино, а берегу для знатоков. Надо быть достойным, чтобы испробовать его.

– Весьма благодарен за честь! Мы сумеем сделать ему оценку.

Хозяин поклонился с довольной миной, почесал ухо и продолжал:

– Далее, по-моему, раки на шампанском приличным образом увенчали бы этот обед, не особенно сложный, но деликатный... Наконец, котлетки из мозгов, ананасное мороженое и кирш... вот и все.

– Черт побери, какой вы ловкий народ в центре Франции! – сказал Томье. – Сейчас видно, что сидите у самого источника сладостей. Одной рукой вы шарите в Майнце, другой собираете в Перигоре. Бургундия у вас по левую сторону, Бордо справа, а между тем и другим вы лорнируете через плечо Шампань... Итак, любезный, воспользуемся этим, а вы уж постарайтесь отличиться в изготовлении четырех избранных нами блюд.

– Можете быть спокойны, сударь, приложу все старания, а ровнехонько в семь обед будет подан.

– Как, вы приметесь сами за стряпню?

– Да, сударь, я стряпаю для епископа, генерала и префекта; ведь мы, слава Богу, понимаем людей и сейчас видим, с кем имеем дело. Затем прошу извинить, сударь и сударыня. Надо бежать на кухню!

Раскланявшись с восхищенным видом, он скрылся.

– Милый друг, если вы сколько-нибудь сомневаетесь в триумфальном исходе вашей экскурсии, то теперь, надеюсь, сердце у вас вполне спокойно. Комус, бог кухни, взял нас под свое

покровительство. Это он сейчас и вышел отсюда под видом того кругленького человечка. Мы будем есть и пить превосходные вещи.

– Какой вы ребенок! Вас забавляет всякий пустяк, – произнесла молодая женщина, усаживаясь на стул у окна.

– Пустяк! Это правда, – с важностью согласился Томье, садясь в свою очередь, – правда, что этот пустяк есть ваше присутствие.

– Ах, Томье, Томье! – воскликнула госпожа Леглиз, грозя пальцем своему собеседнику. – Вы опять принимаетесь за то же! Мы поссоримся.

– С какой стати! Из-за того, что я высказываю, насколько мне приятно находиться возле вас? Разве это преступление? Попробуйте-ка помешать мне совершить его.

– Значит, вы вечно будете оказывать мне непокорность?

– Насколько могу! Я вас люблю, говорю вам; в чем же вы можете меня упрекнуть, если я не требую у вас взаимности?

– Только этого еще недоставало!

– Но «это» придет, не беспокойтесь.

– Нахал!

Эпитет был резок, но не таков был тон. Откинувшись на спинку стула с полузакрытыми глазами, с порозовевшим лицом, на которое падал отблеск заката, молодая женщина ласково посматривала на своего красивого кавалера, а тот улыбался, говоря ей о любви. Она пробирала его, но только для виду. Ее мина опровергала суровость возражений. И Томье, вероятно привычный к подобным контрастам, не придавал никакого значения смыслу сказанных ею слов, обращая внимание лишь на тон речи. Поэтому он продолжал, несколько не смущаясь:

– Советую вам пожаловаться на судьбу. Во мне вы имеете самого покорного, самого уступчивого друга. Я предан вам, как собака, и готов повиноваться каждому знаку вашей руки. Кто находится постоянно возле вас, всегда в вашем распоряжении и рад угодить вам во всем? Уж не ваш ли муж?

– Неужели вы собираетесь осуждать его предо мною?

– О, это совершенно лишнее! Он чересчур усердно напрашивается сам на осуждение. Иметь такую жену, как вы, и оставлять ее наедине с другим, под предлогом обсуждений каких-то дел с нотариусом из Блуа, ну не безумие ли это?

– Нет, это только равнодушие.

– А, вы сознаетесь в том?

– Напрасно было бы отрицать подобный факт. Положим, он не делает мне чести. Ведь если бы я обладала всеми достоинствами, которые вы мне приписываете, то, вероятно, они не остались бы незамеченными даже в глазах мужа. Поэтому надо думать, что вы мне льстите без меры.

– Я рисую вас такой, какая вы есть на самом деле.

– Предвзятые взгляды!

– Нет, взгляды проницательные. Полгода живу я возле вас, почти не разлучаясь с вами. Я знаю вас хорошо, и вы обладаете чудесной натурой. Как это я не догадался полюбить вас раньше? Ведь вот уже три года, как мы с вами встретились в первый раз. Это было в самый день вашей свадьбы, в ризнице церкви Святого Августина. Я присутствовал на церемонии, как сотня других клубных знакомых вашего мужа, пришедших поздравить его. И у меня врезались в память ваша кроткая улыбка и скромный вид, с которыми вы принимали оказываемые вам почести.

– Вспомните, что я только вышла из монастыря, совсем не знала жизни, и мой брак удивлял меня, точно какое-то невероятное приключение. Мой муж казался таким очаровательным, таким любезным, он был так щедр, и его считали богачом. Старая тетюшка, моя единственная родственница, рассказывала мне такие подробности про богатство Леглизов, про их деловые и

светские связи, что я стала видеть в наследнике этого громадного состояния нечто вроде владетельного князя, который располагал существованием тысяч людей и царил в обществе, благоговевшем перед ним. Перспектива стать его женой походила на волшебный сон, и целый месяц я жила какой-то героиней апофеоза. То, что вам показалось моей скромностью в день нашей свадьбы, происходило немного от ошеломления, а улыбалась я, как танцовщица, на которую смотрит весь оперный театр и которая хочет понравиться.

– Вы клевете на себя. Впрочем, можете клеветать сколько вам угодно. Вы не измените моего образа мыслей, а мое восхищение вами достигло теперь такой слепоты, что если бы по какому-нибудь невероятному волшебству вы сделали противоположностью того, что вы есть, я продолжал бы упрямо находить вас совершенством.

– Это уже фетишизм, – сказала, смеясь, молодая женщина.

– Нет, обожание.

Она протянула ему руку с очаровательной непринужденностью.

– Хорошо, так обожайте меня, если не можете иначе, несмотря на мои запрещения. Конечно, приятно быть любимой, иметь возле себя кого-нибудь, кто думает о вас, радуется вашим счастьем, печалится вашим горем. Но будьте рассудительны, не злоупотребляйте моей снисходительностью... Слушайте меня постоянно... и не мучьте меня никогда.

Госпожа Леглиз отняла руку, которую Томье страстно прижал к губам. Чьи-то шаги и стук отворяемой двери заставили молодых людей опомниться.

– Как некстати! – проворчал влюбленный, но тотчас изменил выражение лица и позу.

В комнату вошел муж.

– Ну, чем же вы тут занимаетесь? – с игривой беззаботностью спросил Леглиз.

– Ожидаем тебя, как водится, – весело подхватил приятель. – Мы заказали обед.

– А шляпу?

– И шляпу также.

– Черт возьми! Кажется, я пришел в отель в одно время с какой-то личностью, которая принесла этот драгоценный предмет, потому что в бюро мне попала навстречу молодая женщина с картонкой. Да вот и она...

Мадемуазель Сесиль вошла в сопровождении лакея. Она поклонилась и, положив в угол свой зонтик и плащ, направилась к своей хорошенькой заказчице.

– Надеюсь, сударыня, что мы не заставили вас слишком долго ждать... Мы очень спешили.

– Посмотрим-ка ваш шедевр, – произнес Томье.

Госпожа Леглиз надевала шляпу и смотрелась в зеркало кабинета. Наконец она, улыбаясь, обернулась к модистке.

– Ну что ж, это премило! Я готова быть вашей заказчицей. Почему не переедете вы в Париж?

– Потому что там не прожить так дешево, как в Блуа... Кроме того, у моей подруги есть причина оставаться в провинции.

– Она может работать здесь, не боясь пересудов, не так ли? Тут ее никто не знает, тогда как в Париже...

Мадемуазель Сесиль обнаружила некоторое удивление. Она покраснела и пробормотала:

– Но, сударыня...

– Не смущайтесь, – кротко продолжала госпожа Леглиз, – я не хочу быть нескромной. Я случайно узнала вашу фамилию: и некоторые интересные сведения о вашей подруге. Если я могу быть вам полезной в чем-нибудь...

Молодая женщина, не dokonчив фразы, обратилась к мужу.

– Мадемуазель Сесиль, дочь господина Компаньона, бывшего кассира вашего отца.

– Как, старика Компаньона? Что с ним случилось? Он был славный малый.

– Он жив, сударь, но совсем не может больше ходить и ведет наши счетные книги... Это его развлекает!

– Давно ли вы живете в Блуа?

– Два года.

– Но ведь Компаньон оставил службу в нашем заведении, по крайней мере, шесть лет тому назад; он был уж немного утомлен.

– В этот промежуток времени мой отец служил у господина Превенкьера, одного банкира, который обращался с ним скорее как с другом, чем как с наемным служащим.

– Ах, у Превенкьера! Теперь я вспомнила! – воскликнула госпожа Леглиз. – Я знаю, где встречалась с вашей подругой, мадемуазель Розой. Ее лицо поразило меня, и я искала в своих воспоминаниях... Ведь она-то и есть дочь банкира. Он, кажется, пострадал в неудачных операциях?

– Совершенно верно, три года тому назад, – подтвердил Леглиз. – Он страшно прогорел на золотых приисках. Смерть Бартано, крупного английского спекулятора, погубила его в несколько дней. Владелец многих миллионов накануне, он проснулся на другой день нищим... Так это его дочь делает шляпы в Блуа? Чего только не бывает в жизни! А куда же он девался, этот Превенкьер?

– Он отправился в Капскую колонию, сударь, – сказала мадемуазель Сесиль, – с намерением оставаться в Африке до полной поправки дел.

– Ах, и тут Трансвааль! Чудесная земля, где стоит лишь наклониться, чтобы собрать миллионы, Сколько людей отправилось на завоевание золотого руна в эту страну, где они нашли только нищету, болезнь и смерть! Некоторые действительно разбогатели, что и погубило других. Люди видели только успех и закрывали глаза на опасность, труды и неудачи. Давно ли работает там господин Превенкьер?

– Два года.

– Он пишет сюда? – Раз в месяц.

– И доволен своими делами?

– Он надеется достичь своей цели.

– Имеет прииск?

– Нет, сударь, он открыл банк.

– Ах, хитрец! Он дает деньги за бумагу, а потом перепродает бумагу за золото. Вот Человек, который, по-моему, понял африканскую спекуляцию... Но, позвольте, разве у него остался капитал?

– Триста тысяч франков, говорила мне дочь. Он увез все, что приходилось на долю мадемуазель Розы из состояния матери. И вот, не имея ничего, кроме иголки, для своего пропитания, мадемуазель Превенкьер вступила в сотрудничество со мной, чтобы делать шляпы. Отец мой, сильно привязанный к хозяину, предложил взять его дочь в наш скромный дом. Не имея больше занятий в Париже, он находил лишним там оставаться и удалился в Блуа, свой родной город, где ему живется очень хорошо. Мой отец ухаживает за розовыми кустами в нашем садике и ведет нашу корреспонденцию. Все это очень просто, сударь, как вы сами видите.

– Ну нет, я не согласна с вами, совсем не согласна, – возразила госпожа Леглиз. – Похоронить себя в провинции, перейти в один день с блестящей, роскошной жизни к скромному существованию труженицы – это кажется очень удивительным и очень интересным в светской молодой девушке, способной на такое мужественное самоотречение. Ведь она, кажется, довольна своей судьбой?

– Мадемуазель Роза, по крайней мере, уверяет в этом.

– И она не жалеет о прошлом?

– Нисколько. По ее словам, она никогда не была так счастлива, и если бы не разлука с отцом, ей ничего не оставалось бы желать.

– И с такой наружностью, как у мадемуазель Превенкьер, она остается незамеченной у вас в Блуа? Здешные молодые люди не бродят мимо вашего модного магазина? У нее нет ни женихов, ни поклонников?

– Нет, сударыня, ни поклонников, ни женихов. Возле нас нет ни единого мужчины, кроме моего отца и брата. Да и брат приезжает к нам редко, потому что он работает на фабрике химических продуктов в Шиноне и мало пользуется отпуском.

– Ах, так у вас есть брат? – продолжала госпожа Леглиз, которой как будто хотелось основательно вникнуть в проблему этого существования, доблестная простота которого имела в ее глазах романический интерес. – Он старше вас?

– Да, сударыня; брат мой инженер, выпущенный из Центральной школы, замечательный химик.

– Он вместе с вами покинул Париж?

– Нет, раньше нас.

– Вот как.

Леглиз постоял минуту в задумчивости и наконец, спросил:

– Если ваш брат химик и его фамилия Компаньон, так, значит, это он изобрел новый способ отделения золота с помощью чрезвычайно сильных и дешевых реактивов?

– Да, сударь, это он. Я, слава Богу, довольно наслушалась о его изобретении, пока он производил опыты в Шиноне... Мой брат ожидал от них самых блестящих результатов, но на деле оказалось иное.

– Да, верно! Процесс еще не совсем выработан... Мне говорили о произведенных опытах. Но, во всяком случае, это не безделица. Ваш брат получает хорошее содержание?

– Он достаточно зарабатывает для самого себя.

– Ну да, я понимаю. Он получает двести пятьдесят франков в месяц, но заслуживает больше, чем ему дают. Когда вы его увидите, скажите, чтоб он завернул в Париж потолковать со мной. Господин Компаньон не пожалеет об этой поездке.

– Я исполню ваше поручение, сударь, Но отец мой будет в большом горе, что не знал о вашем приезде в город, так как ему хотелось бы засвидетельствовать вам свое почтение.

– Хорошо, хорошо, – равнодушным тоном произнес Леглиз, – Передайте ему от меня поклон. Ведь вашему отцу, по крайней мере, семьдесят лет?..

– Семьдесят два, а голова у него еще совсем свежа...

– Вот хороший пример!

Разговор был прерван приходом метрдотеля. Мадемуазель Сесиль закрыла свою картонку и собиралась уходить, когда госпожа Леглиз сказала ей, снимая шляпу:

– А я прошу вас передать мою благодарность мадемуазель Розе и повторяю опять, что доставила бы ей массу заказчиц, если б она вздумала вернуться в Париж.

– Благодарю вас, сударыня, но мне известны ее планы. Она уедет из Блуа только в том случае, если ее отец разбогатеет снова, а тогда мадемуазель Роза не станет больше работать.

Вошел лакей, нагруженный посудой, в сопровождении хозяина, несшего бутылки. Модистка поклонилась и вышла, пользуясь тем, что дверь была отворена.

– Сядем за стол, – сказал Леглиз. – Провинциальный воздух подействовал на меня так сильно, что я умираю с голоду. Посмотрим, постоит ли за себя ваш обед.

– Надеюсь, что вы останетесь довольны, – с улыбкой произнес хозяин. – Экспресс, идущий в Париж, проходит через Блуа только в девять часов вечера. Вы вполне успеете попробовать блюда, которые я буду иметь честь вам подать.

Компания уселась за стол и приступила к обеду.

Глава 2

В тот же час в скромной столовой жилища Сесили и Розы к семейному обеду сошлись старик Компаньон и обе молодые девушки. Они только что сели за стол и Сесиль едва успела снять крышку с дымящейся миски, как у дверей магазина задребезжал звонок и служанка воскликнула:

– Ах, это господин Проспер!

Девушки с криком радости вскочили с места, готовые бежать навстречу гостю. Но дверь столовой уже отворялась, и на пороге показался высокий, бородатый, смеющийся брюнет.

– Как я кстати! Накормите ли вы меня обедом?..

– Я сейчас поставлю вам прибор, – сказала Роза, пока брат и сестра обнимались.

– Что привело тебя сюда, мой мальчик? – спрашивал добряк отец, поглядывая с довольным видом на своих детей.

– Я приехал по заводским делам, и так как покончил их раньше, чем рассчитывал, то вздумал провести с вами вечерок.

– Прекрасная идея! Садись между твоею сестрою и мною, против мадемуазель Розы, и расскажи нам о твоих работах.

– Ах, мои работы!.. Я почти отчаиваюсь привести их к благополучному концу.

– Как, ты падаешь духом?

– Подумайте, отец, вот уже целый год, как я на вершок от успеха, а между тем не могу достичь положительного результата. Я все перепробовал. На мои опыты уходит большая часть моего заработка. Я живу, как нищий, лишаю себя всего, чтобы иметь средства для этих разорительных попыток, и не прихожу ни к чему. Не ошибся ли я? Не за химерой ли гоняюсь?

– Что сказали тебе твои хозяева?

На лбу молодого человека образовались глубокие морщины, и страдальческая улыбка искривила его губы.

– Мои хозяева? Да я скрывался от них. Они украли бы у меня мою идею. Ах, это ужасно печально! Но свет уж так устроен. Я питал к ним доверие, был готов выдать им секрет моих операций, как вдруг заметил, что они подсматривают за мною. Да, по ночам они приходили в мою лабораторию и рылись в моих бумагах, стараясь узнать, что я делаю! Спрятавшись на антресолях, где у меня лежит всякий хлам, я застал у себя этих людей, когда они старались разобрать мои вычисления. Меня одолевало искушение накрыть их и сконфузить, до того велико было мое негодование, но я сообразил, что после этого придется бросить завод, и тогда я окажусь без места и без средств. Таким образом, я ограничился тем, что принял свои предосторожности, чтобы не быть одураченным, чтобы продолжать трудиться, к сожалению, без всякого толку.

– Не падай духом, мой добрый Проспер, – сказала Сесиль с нежной уверенностью, – добьешься своего. А если у тебя не хватит денег, то мы с отцом поможем тебе. Благодаря Богу, торговля наша идет хорошо, и если ты тратишь все свои заработки, то мы здесь откладываем на черный день. Самое важное, чтоб ты нашел, чего ищешь. О твоих работах уже идет молва; не дальше как сегодня один крупный парижский промышленник отзывался мне о них с похвалою.

– Кто же это? – спросил Проспер, радостно оживляясь.

– Господин Леглиз...

– Ах, Леглиз, тот, который занимается очисткою золота? Да, это, конечно, его интересует. Ведь если б я достиг своей цели, он нагнал бы большую экономию на задельной плате, применив в производстве мое изобретение.

– Он, по-видимому, догадывается о том, потому что сказал мне: «Уговорите вашего брата повидаться со мною по приезде в Париж: он не пожалеет об этом визите».

Молодой человек задумался. Предложение промышленника представляло большую важность, и если тот действительно желал Просперу добра, то мог дать ему средства достичь окончательного успеха. Слова сестры подстрекнули любопытство инженера.

– Где же ты имела случай беседовать с господином Леглизом?

– Ах, это вышло совсем неожиданно! Госпожа Леглиз зашла к нам купить шляпу взамен той, которая была у нее испорчена сегодня проливным дождем. Около шести часов я относила готовую шляпу в отель «Франция» и тут встретила господина Леглиза.

– Значит, это не он сопровождал молодую женщину, когда она приходила сюда? – с живостью осведомилась Роза.

– Нет, тот красивый брюнет только их знакомый.

– Вот как, – произнесла молодая девушка, слегка краснея. – По фамильярному тону я была готова принять его за мужа.

– Этьен Леглиз – блондин среднего роста, немного полный и с бородой, – сказал Проспер. – Если же она приходила без него, тут нечему удивляться. Это одно из тех супружеств, которые не блещут добрым согласием, и, когда госпожа Леглиз прогуливается с чужим кавалером, надо поставить это в вину не ей, а ее мужу, который подает дурной пример. Леглиз, наследник большого состояния, нажитого промышленностью, не заменил своего отца во главе предприятия; он только сделался его преемником, но каким!.. Всем и каждому известно, что в десять лет он пошатнул будущность дела своей неспособностью к управлению и безумной расточительностью в частной жизни.

– Сколько же ему лет?

– Должно быть, тридцать пять. Но он начал безобразничать смолodu... да и теперь еще...

– Как, будучи женат на этой молодой и красивой женщине?

– Но ведь это его собственная жена!.. Будь эта дама женой другого, она нравилась бы ему больше.

Тут Проспер обратился к Розе и сказал:

– Простите меня, сударыня, мне не следовало бы говорить так свободно в вашем присутствии.

Молодая девушка слегка улыбнулась:

– Вы забываете, что я совершеннолетняя и рискую скоро попасть в разряд старых дев. Я слышала и видала много дурного, живя с отцом в Париже. Вы можете говорить при мне, не стесняясь; поверьте, я не услышу от вас ничего нового насчет человеческих гадостей.

– Хорошо! Госпожа Леглиз-мать, оставшись вдовой с взрослым сыном Этьеном, была принуждена поставить его во главе дела, в которое он не очень-то вникал при жизни отца. В надежде, что брак заставит остепениться этого кутилу, она вздумала женить его на прелестной молодой женщине, которую вы видели сегодня. Этьен в то время постоянно вращался в сфере полусвета и проматывал массу денег. Однако после женитьбы роковая судьба устроила так, что его любовные похождения стали обходиться ему еще дороже прежнего. Он встретил самый разорительный тип женщины, какой только существует: светскую особу с неограниченными потребностями и без всяких ресурсов. Для него было бы лучше по-старому покупать отели для тех молодых особ, специальность которых состоит в том, чтобы продавать счастье, чем запутаться в сетях красавицы госпожи де Ретиф, которая полюбила его как будто бескорыстно.

Старик Компаньон, слушавший с возрастающим интересом рассказ сына, прервал его на этом слове:

– Откуда знаешь ты столько подробностей, которые не были известны даже мне, хотя я служил так долго в этом доме? Я знал, что господин Этьен делает глупости, Его отец не раз бесился в моем присутствии, когда приходилось уплачивать по слишком большому счету или погашать долги по векселям, на которые не рассчитывали в конце месяца... Однако старик сваливал все это на горячность молодости и надеялся, что сын остепенится с годами. Бывало,

только вздохнет да и скажет мне: «Возьмите, Компаньон, заплатите и внесите эту сумму в книги на мой собственный счет». Бедняга! Если б посторонний человек, не зная, из чего составляется этот счет, заглянул в мою бухгалтерию, то подумал бы про себя: «Однако этот Леглиз порядочный мот... Он так и кидает деньги, ему поневоле нужно зарабатывать много, чтоб покрывать такие траты!» А виной всему был господин Этьен... Но этого не знали, это оставалось между мной и хозяином и не выходило за пределы конторы. Теперь же я вижу по твоим словам, что дело разгласилось и кредит дома должен сильно пошатнуться.

– Он пошатнулся настолько два года назад, что пришлось взять компаньона. Тут-то и стряслась настоящая беда. Вы меня спрашивали сейчас, откуда я знаю все эти вещи, – я вам скажу. У моих хозяев с некоторых пор завязались деловые отношения с домом Леглизов. Еще недавно один из них был вызван в Париж для очень важной поставки химических продуктов; этот подряд отдавался с торгов заводом Леглиза. Вопрос сводился к тому, чтобы получить заказ и не слишком сбить цену. Не знаю, через кого именно мой патрон попал в дом госпожи де Ретиф, имеющей неограниченное влияние на Этьена Леглиза; верно только то, что подряд остался за ним до торгов и по очень выгодной цене. Когда хозяин разговаривал с братом об этой удачной сделке в моем присутствии, то, между прочим, сказал ему: «Да, подряд остался за мною, но я должен тебе сказать, что мне пришлось подарить этой даме шпильки, осыпанные бриллиантами».

Тут без всяких обиняков он назвал имя госпожи де Ретиф, очевидно несколько не стесняясь говорить о связи, которая, должно быть, известна всему Парижу.

– Как, губить все из-за женщины! – подхватил старик Компаньон, качая седую головой. – Вредить делу двух трудолюбивых поколений жалкими безумствами!

– Но, – мягко возразила Роза, – если господин Леглиз ведет себя дурно, разве это дает право его жене поступать точно так же? Признаюсь, такая обоюдность вины всегда казалась мне чем-то решительно непонятным. В доме сейчас утрачивается равновесие, все идет прахом, едва один из супругов потерял голову; а тут, чтобы довершить беспорядок, внести в семью разорение и сделать неизбежным скандал, другой принимается следовать дурному примеру и забывает всякое благоразумие. Какое удовлетворение может найти женщина в измене супружескому долгу, когда она сама пострадала от неверности мужа? Разве все ее радости не отравлены заранее сознанием их предосудительности? Не то ли же это самое, как, если бы, увидав какого-нибудь несчастного алкоголика в пьяном виде, вместо того чтобы почувствовать решительное отвращение к пьянству, мы сказали бы себе: «Ах, ты отвратителен в этом состоянии, ну, так и я стану пить, чтобы сделаться подобным тебе! Таким образом, между нами установится равенство порочности». Нет, я представляю себе совершенно иную роль женщины при подобных обстоятельствах. Чем честнее она, тем более гордой и чистой желала бы я ее видеть. По крайней мере, в бедствии своей жизни она сохранила бы собственное уважение и уважение других. Кто знает, пожалуй, ее нравственное достоинство поразило бы наконец увлекшегося мужа, а почтение к ее добродетели заставило бы его вернуться к супружескому долгу. Вот это был бы великолепный реванш.

Проспер молча смотрел на мадемуазель Превенкьер, пока она говорила, а потом заметил взволнованным тоном:

– Вы говорите, как действуете, сударыня, и нам известно, сколько в вас мужества и благородной гордости. Однако не все женщины способны пожертвовать в один день своими вкусами, удовольствиями, привычками, как сделали вы. Чтобы обречь себя на труд после жизни в роскоши, требуется столько же энергии, как и для того, чтобы остаться честной, когда вас покинет тот, кого вы любите. Нет сомнения, что на месте госпожи Леглиз вы действовали бы со всей решимостью и достоинством, которые сейчас возвели в принцип. Позвольте, однако, уверить вас, что вы представляете исключение и что на свете гораздо больше господ Леглиз, чем девиц Превенкьер.

Роза ничего не отвечала. Она задумалась. Служанка принесла жаркое, которое Сесиль принялась ловко разрезать. Старик Компаньон и его сын ели не спеша, стараясь не стучать ножом и вилкой. Так прошла минута. Наконец Роза тряхнула головой и сказала:

– Я думала о моей прежней жизни, которую вы мне напомнили, и сравнивала ее с теперешней. По-моему, я гораздо счастливее в настоящее время. Вся эта светская сутолока, в которой я жила, была утомительнее моей теперешней полезной деятельности и представляла гораздо меньше интереса. В общем, это был своего рода угар, который не давал времени опомниться. Только в уединении и тишине маленького городка пришла я в себя, сделалась способной к здравому суждению и оценке своих свойств. Самоотвержение, которое господин Проспер почтил такой громкой похвалой, было с моей стороны инстинктивным. Мой отец разорился и был принужден уехать; я не хотела оставаться без него в Париже, и моя решимость была подсказана мне преимущественно страхом. Тут представился счастливый случай поселиться в вашем доме; ваш батюшка предложил мне переехать к нему и разделить скромную участь Сесили. Что было бы со мною без него? Отец не взял бы меня с собою в неизвестную страну; значит, мне оставалось только пойти в компаньонки или вступить на дурной путь. К счастью, я одарена простым умом, и ничто не казалось мне соблазнительнее спокойной, честной жизни, которую я могла вести здесь. И я ни разу не пожалела о принятом решении. Мне кажется, что это служит к нашей общей похвале, так как доказывает, что все мы порядочные люди.

Бывший кассир вытер глаза, на которых выступили слезы.

– Я сделал очень мало для моего патрона и для вас, мадемуазель Роза, – сказал он, расстроенный. – Но я вознагражден за это сторицею тем, что вы скрасили жизнь такому старику, как я. Жить между вами и моей дочерью, смотреть, как вы работаете, ухаживать за моими цветами, каждый вечер разделять с вами ужин, который вы обращаете в настоящий пир, – да могу ли я желать чего-нибудь очаровательнее этого? Никогда не был я так счастлив; бывают часы, когда я ловлю себя на невольном сожалении о том, что ваш батюшка в одно прекрасное утро явится с большим капиталом и увезет вас далеко от нас. Я не эгоист, Я желаю, чтобы так случилось, но не слишком скоро, потому что ваша радость будет нашим горем, и в тот день, когда вы нас покинете, дом ужасно опустеет.

Тут наступила очередь Проспера затуманиться. Он отвернулся в сторону, и его лицо покрылось бледностью. Но он молчал, перебирая в уме свои скрытые ощущения. Они были горьки. С того дня, как мадемуазель Превенкьер поселилась у его отца, он зачастил в Блуа. До этого времени молодой инженер уезжал с завода только по делам службы. Теперь же он почти регулярно садился на поезд железной дороги и ехал домой на целое воскресенье. Что ж тут было предосудительного? Как добрый сын и любящий брат, молодой инженер чувствовал себя счастливым возле старика отца и Сесили. Одни злонамеренные люди могли бы утверждать, что эту родственную любовь, пожалуй, подогревало присутствие мадемуазель Превенкьер.

Между тем Сесиль догадывалась о том и несколько недель спустя объяснилась с Проспером. Регулярные посещения брата, удовольствие, которое, по-видимому, доставляли ему прогулки с ней и ее подругой, его заботливость о своем туалете, предупредительность, которую он выказывал, открыли сестре глаза. Она стала присматриваться к Розе и легко убедилась, что та не придает никакого значения уходу за Проспером, что ее любезность к нему основана на простых и чистых товарищеских отношениях и что, если один из них волнуется, то другой обнаруживает полнейшую беззаботность.

Такой оборот дела сначала тревожил ее из боязни, чтобы ухаживание брата не было истолковано в дурную сторону, а потом она стала беспокоиться, опасаясь, чтобы Проспер не влюбился в Розу без всякой надежды встретить взаимность. Если Превенкьер вернется из-за моря, разбогатев в Трансваале, положение его дочери тотчас радикально изменится, а Проспер, сын бывшего кассира в его банке, не может показаться богачу желанным зятем.

Единственным шансом жениться на Розе была бы для этого доброго малого любовь мадемуазель Превенкьер. Между тем спокойная благосклонность, откровенная симпатия, с которыми она относилась к сыну старика Компаньона, явно доказывали, что девушка не питает к нему никаких нежных чувств. Поэтому для Проспера становилось опасным заходить слишком далеко по пути увлечения. И Сесиль решила высказать брату свои тревоги на его счет, открыть ему глаза на опасности, угрожающие его спокойствию.

В одно воскресенье она пошла встречать Проспера на станцию и, вместо того чтобы отправиться оттуда вместе с ним домой, спустилась по набережной Луары к красивому местечку, усаженному деревьями, на берегу реки, которая катила свои волны, весело блестя на солнце.

– Я привела тебя сюда не для того, чтобы любоваться видами, – сказала сестра, скрывая свое волнение под маской шутливости, – мне надо поговорить с тобой серьезно.

– Боже мой, в чем дело? – спросил он, начиная тревожиться.

– Дело это касается Розы, – отвечала Сесиль, – нашего отца, тебя и даже меня.

– Стольких лиц!

– Да, все тут замешаны прямо или косвенно. И вот почему я не могла дольше молчать.

Проспер поднял глаза; на его лице выражался такой испуг, что молодая девушка почувствовала жалость и положила руку ему на плечо:

– Мне не хотелось бы огорчать тебя, мой добрый Проспер, – сказала она, – но между тем я не должна допускать, чтоб ты рисковал смутить спокойствие Розы. Ты меня понял, не так ли?

Он потупил голову, ничего не отвечая, а его лицо приняло мрачное, утомленное выражение, как после жестокой усталости. Сестра продолжала:

– Ты знаешь, при каких обстоятельствах мадемуазель Роза поселилась у нас и какие обязательства приняли мы на себя перед господином Превенкьером? В нашем доме она находится под защитой порядочности твоего отца. Поэтому не следует не только словом, но даже мыслью, которую она может угадать, тревожить ее совесть, будить в ней подозрения, что ты имел в виду воспользоваться ее одиночеством посреди нас, чтоб заставить полюбить себя из благодарности или злоупотребить ее расположением.

– Как можно, Сесиль! Никогда!.. – воскликнул он с жестом отрицания. – Никогда подобная мысль не приходила мне в голову. Я стыдился бы ее, если б так было; но этого не было, ведь ты знаешь...

– Знаю, – перебила сестра. – Ты честный и славный малый, но ты любишь Розу, а влюбленное сердце не отличается твердостью. Слову легко сорваться с языка, еще легче будет оно подхвачено, и зло свершится.

– Какое зло? Любить ее так, чтобы она и не подозревала этого? Подобное зло коснется только меня, потому что я один от него буду страдать. Но даю тебе слово: ничто ни в моем обращении, ни в моих речах никогда не выдаст мадемуазель Розе моих чувств. Неужели ты обречешь меня на изгнание из родительского дома, потому что она живет там? И неужели буду я должен подвергнуться этому двойному горю – разлуке с вами, чтобы она только не находилась в моем присутствии?

– Так следовало бы поступить из благоразумия, – сказала молодая девушка с тяжелым вздохом, – и ты не один бы страдал от этой отчужденности: она сильно огорчила бы и нашего отца, и меня. Но, пожалуй, это значило бы требовать слишком многого от всех нас. Я не так сурова. Я думаю, что если бы ты стал пореже бывать в Блуа, и того было бы достаточно, чтобы уладить дело.

Страх быть совсем удаленным от дома так сильно подействовал на молодого человека, что полумера, предложенная сестрой, чрезвычайно обрадовала его, и он опять просиял. Проспер нашел справедливым пожертвовать собою, чтобы не смущать спокойствие Розы. Он настойчиво уверял Сесиль в своей скромности и сдержанности и в то же время открыл ей все

нежное чувство, которое внушала ему мадемуазель Превенкьер. Перестав таиться, Проспер показал глубину своей души, и Сесиль убедилась, что ее брат влюблен гораздо больше, чем она думала. Бедняжка с грустью поняла, что эта любовь будет для доброго малого источником разочарований и огорчений. Она не решилась прямо высказать ему своей догадки, но по ее озабоченному виду он понял, что происходит у нее в уме. И юноша заговорил с искренностью, которая сильно подействовала на молодую девушку.

– Поверь, я не ошибаюсь насчет того, что меня ожидает, – сказал он. – Я отлично знаю, что не должен ни на что надеяться, разве кроме непредвиденного случая. Между мною и мадемуазель Превенкьер стоят почти неодолимые преграды. Я честный малый, не особенно дурен собой, но довольно вульгарен, смахиваю на мастерового, пожалуй, на рабочего. У меня нет никакого состояния, кроме надежд на будущее, да и то довольно шатких. Наконец, отец наш был приказчиком Превенкьера, что ставит нас в подчиненное социальное положение перед его дочерью. По своей внешности, по воспитанию, манерам и привычкам она стоит гораздо выше пас. Хотя она живет у моего отца и работает вместе с тобою, но, тем не менее она нам неровня, я это хорошо сознаю, и различие между нею и нами ежеминутно выступает в мелочах, которые как будто ничего не значат, а на самом деле значат все. Ты видишь, я не обольщаю себя иллюзиями и моя любовь не лишила меня проницательности. Однако, вопреки всему, без всякого шанса получить руку любимой девушки, я так счастлив любовью к ней, что ни за что на свете не согласился бы снова чувствовать себя спокойным и невозмутимым в ее присутствии. Предоставь же меня моей страсти, которая составляет мою отраду, служит единственным интересом моей жизни, заставляет меня работать с жаром, чтобы отличиться перед мадемуазель Розой. Обещаю тебе, что она никогда не узнает моих мыслей, что я никогда не причиню ей ни досады, ни вреда.

Что можно было возразить на такие безумные доводы? Сесиль расцеловала брата, вернулась с ним домой и, полагаясь на его обещание, продолжала спокойно работать, не тревожась о будущем.

В тот вечер в маленькой столовой после обеда, пока Сесиль с служанкой убрали со стола, Проспер и старик Компаньон слушали игру мадемуазель Превенкьер; сидя за роялем, этим единственным остатком бывлой роскоши, она играла вальс Шопена. Вдруг у входных дверей зазвонил колокольчик. Через минуту прислуга вернулась из магазина с письмом в руке и сказала:

– Это был почтальон.

Она подала письмо Розе, которая, взглянув на адрес, весело воскликнула:

– Ах, это от моего отца!..

Все присутствующие с живостью обернулись к ней.

Для этих добрых людей всякая чужая радость была личным удовольствием. Роза, сияя счастьем, углубилась в чтение. Наконец она сказала:

– В первый раз отец заикнулся о своем возвращении!..

– Значит, ему посчастливилось! – воскликнул старик Компаньон. – Он заслужил это своим мужеством.

– Да, посчастливилось, – подтвердила Роза. – И если он сознается в этом, то, значит, дело верное. Ведь вы знаете, как мало он способен обманывать себя!.. Но, впрочем, вот самое важное место в его письме. – И она прочла: «Я считаю возможным вернуться во Францию через несколько месяцев. Наконец-то мне удалось пожать плоды своих трудов, которым я посвящал все свои силы с самого приезда в Африку. Я перепродал золотые прииски, купленные мною по совету Ван-Гольца. Этот честный голландец руководил мною с редким умением из ненависти к англичанам, которые эксплуатируют край и стараются захватить здесь все финансовое влияние. Одна немецкая компания заплатила мне очень дорого за мои золотоносные земли. Половину полученных за них денег я внес в банк Ван-Гольца, где сделался компаньоном и

агентуру которого взял на себя в Европе. Другая половина на всякий случай была помещена в акциях «Парижского и Нидерландского банка», что обеспечивает за нами ренту в двести тысяч франков. Это даст нам хлеб...»

Чтение письма было прервано радостными восклицаниями.

– Золотой хлеб! – подхватил старик Компаньон.

Роза продолжала:

– «Если операции Ван-Гольца примут размеры, какие я предвидел и какие постараюсь им придать, мы будем богаче, чем прежде. Я радуюсь этому в особенности из-за тебя, дорогая малютка; ты так великодушно пожертвовала собою для твоего отца и без сожаления отдала ему все, что имела. В Трансваале я усвоил привычку к самой простой жизни и так отвык от излишеств, что буду с этих пор совершенно равнодушен к роскоши до конца своих дней, теперь это для меня вполне ясно. Здесь люди не думают ни о неге, ни об удовольствиях, а признают один ожесточенный, лихорадочный труд. Поэтому состояния растут у них, как грибы, а приехавший с маленьким капиталцем в кармане своего пальто через несколько лет увозит с собой целые фургоны, нагруженные золотом, которые приходится охранять вооруженным конвоем. Ведь в здешних краях легко напасть на караван и безопасность путешественников основана лишь на боязни револьверов и карабинов...»

– Только бы не случилось с ним какой-нибудь беды в этой дикой стране! – заметила Сесиль.

– Ах, сама судьба за него, и вдобавок этот человек предусматривает все. Он сумеет избежать опасности, – возразил старик Компаньон. – Я хорошо знаю господина Превенкьера; я видел его в ужасных тисках в момент ликвидации. Он не потерял головы ни на одну минуту, а боролся с невероятной энергией до конца; когда же увидал, что все непоправимо погибло, что спасение невозможно, то распорядился уцелевшими ценностями так тщательно, с такой твердостью, без малейшей утайки, начистоту, что заслужил восторг и почтение от всех, с кем имел дело при таких ужасных обстоятельствах. Не выкажи он такой решительности и авторитета, то ему ни за что бы не справиться со всеми обязательствами, которые обрушились на него. Ведь можно сказать, что если он разорился, то для того, чтоб не разорять других. Он заплатил за светских людей, которые не подумали расплатиться с ним. И в день катастрофы хозяин сказал мне; «Компаньон, есть господа, которые спокойно играют теперь в клубе в баккара, нисколько не волнуясь, а завтра они не захотят мне и поклониться. Между тем я не получил от них следуемой разницы. Но лучше пустить себе пулю в лоб, чем утаить сто су от своего кредитора». Благодаря вам, мадемуазель Роза, ваш батюшка мог устроить свои дела и уехал с деньгами в кармане. Славный человек господин Превенкьер, да и вы его достойная дочь!

Письмо осталось развернутым на коленях Розы. Она задумалась. Ей внезапно представился отец на вокзале, уезжавший в Бордо, откуда ему предстояло отплыть. В длинном сером плаще и маленькой шляпе, с дорожным одеялом на руке, он прохаживался рядом с ней по платформе, не говоря ни слова. Только лицо его подергивалось от волнения. Никогда не видела она его таким расстроенным, даже в день рокового краха, причинившего им разорение. Роза знала отца как человека чрезвычайно твердого, отчасти скептика, закаленного обычными низостями и гадостями парижской жизни. Для нее не были тайной интимные капризы его личного существования. Оставшись вдовцом в молодых годах, он имел любовниц, и, хотя скрывал свои связи, многие подробности не ускользнули от проницательного взгляда дочери. Удалиться в изгнание было для него величайшей жертвой. Спортсмен и жуир, занимавший привилегированное положение в парижском обществе, он в одну минуту махнул рукой на все привычки и пускался в неведомый край, нырял в темную пучину в надежде найти на ее дне богатство. И тут, на этом вокзале, служившем последней остановкой его счастливой жизни, недавний миллионер прохаживался, перебирая в голове все, что он покидал, и, пожалуй, сомневаясь в том, что он надеялся найти. Роза так хорошо поняла смертельное томление этого последнего часа,

что потихоньку продела свою руку под руку путешественника; когда же он резко повернулся к ней, слезы брызнули у него из глаз и он судорожно прижал ее к измученному сердцу, не будучи в силах произнести ни слова. Это она заговорила, чтоб ободрить его:

– Ты вернешься назад, я это чувствую, я уверена в том, и вернешься, достигнув успеха. Небо не захочет разлучить нас. Я буду молиться до тех пор, пока оно не помирует тебя и пока мы не свидимся в скором времени опять, чтоб соединиться навсегда и быть счастливыми.

И отец пробормотал:

– Да, моя дорогая малютка... Да, мы должны говорить это друг другу, потому что было бы слишком жестоко расставаться без надежды. – Он выпрямился во весь свой высокий рост и прибавил с воскресшей энергией: – Я обязан достичь успеха ради тебя; мне должно посчастливиться. Я был бы чересчур жалок, если б не мог вознаградить свою дочь за ее преданность и великодушие. Успех для меня будет средством расквитаться с тобой, вот что придает мне энергию, необходимую, чтоб уехать, покинуть тебя, бросить все, что было в моем прошлом...

Роза поняла жгучее сожаление, которое сквозило в последних словах отца, Она обняла его за шею и сказала, нежно целуя:

– Мы оба станем исполнять свой долг; я также стану работать, поджидая тебя.

Тут у Превенкьера вырвался крик:

– Ах, моя дорогая, я не знал тебя хорошенько! Я недостаточно тебя любил!

Она зажала ему рот, в последний раз обняла его и помогла бедняге войти в вагон. Потом, когда поезд тронулся, дочь крикнула ему уверенным тоном:

– До свидания!..

И все исчезло во мраке ночи.

Прошли месяцы, протекли годы. Каждый из них держал свои обещания. Дочь спокойно работала ради насущного хлеба, отец лихорадочно боролся, чтобы разбогатеть. Цель была достигнута, разлуке приходил конец, и через известный промежуток времени, который уже можно было теперь определить, отцу и дочери предстояло соединиться вместе. Пока Роза обдумывала все это с улыбкой радости, Проспер печально говорил себе, что близок жестокий час, которого он так боялся, который так эгоистично желал отдалить, лелея в глубине души безумную надежду, что он никогда не наступит. Это было гибелью его счастья, такого неполного и вместе с тем такого сладостного, за которое он цеплялся, пожалуй, тем более жадно, чем недостойнее его считал себя и чем больше рисковал он лишиться своего блаженства.

Теперь уж было несомненно, что Роза в один прекрасный день покинет домик в Блуа и отправится в Париж, чтобы жить там со своим отцом, как было прежде, когда они пользовались богатством. А он, Проспер, останется в Шиноне, на закопченной, скучной фабрике, где ему надо работать под пытливым оком хозяев. Тогда придет конец всему. Такое громадное материальное состояние отделит его от той, которую он таинственно обожал, и никогда больше не установится между ними восхитительная простота их теперешних отношений! В одну минуту мадемуазель Превенкьер снова сделается светской молодой девушкой, окруженной ухаживанием, поклонением, а он останется, как был, бедным подмастерьем с жесткими руками, загрубевшими от кислот. Какое знакомство может существовать после того между ними? Он будет тогда лишен счастья видеть ее даже издали, напоминать ей о себе поклоном, жестом почтительного обожания. Их разделит слишком большое расстояние. Роза совершенно забудет его, и если имя Проспера случайно вспомнится ей, то с ним будет связано грустное воспоминание о самых несчастных днях ее жизни.

Глубокая грусть овладела им. Потупившись, чтобы скрыть свою бледность, так как он обещал Сесили не выдавать себя ничем, молодой инженер мрачно слушал, не понимая, толки своей сестры и отца о событии, грозившем перевернуть вверх дном всю его жизнь.

– Как нам будет скучно, когда вы уедете отсюда, мадемуазель Роза, – говорил старик Компаньон. – Я уж так привык видеть вас в магазине и, наверно, буду по-прежнему искать вас глазами на обычном месте у стола...

– Если так, то переезжайте вместе с Сесилью в Париж. Тогда я в свою очередь предложу вам приют у себя в доме.

Старик покачал головой.

– Нет, я не выдержу в Париже. Я не могу быть счастлив вне моего домика, вдали от моего сада... Что случилось бы тогда с моими розовыми кустами?

– А вдобавок, – вмешалась Сесиль, – вы не обязаны нам ничем, мадемуазель Роза. Вы работали заодно со мною и жили на свои трудовые деньги, как живу я... Если у вас есть долг по отношению к нам, то лишь долг привязанности, потому что мы искренно полюбили вас. Но и тут вы расквитались заранее вниманием и предупредительностью к нашему отцу, добротой ко мне.

– Нет, милая Сесиль, нельзя расквитаться так легко и скоро, как вы уверяете, за услуги, оказанные с такой сердечной готовностью. Вы можете думать, что сделали для меня мало. Но я знаю лучше, и мое дело судить о размере моего долга. Я уверена, что по своей деликатности вы никогда не потребуете ничего. Тем не менее, несомненно, что без вас я осталась бы одинокой и, пожалуй, не вынесла бы своего непосильного испытания в борьбе с этим горьким одиночеством и нуждой. Между тем ваш отец и вы сами отнеслись ко мне, как самые любящие родственники, и я нашла у вас настоящую семью. Этого мне никогда не забыть. Я и не думаю о том, чтобы расквитаться с вами впоследствии за вашу преданность чем бы то ни было. Пошное сердце, пожалуй, сочло бы достаточным в настоящем случае какой-нибудь великолепный подарок, приобретенный на деньги, добытые моим отцом. Но я краснею при одной мысли нанести вам такое оскорбление. За привязанность платят только привязанностью, и я всю мою жизнь буду доказывать вам, что вы имели дело не с какой-нибудь неблагодарной.

Сесиль подавила вздох и молча взглянула на брата, который слушал эти горячие возражения, потупив голову. Как было бы легко для Розы уплатить свой долг благодарности, и даже с лихвой! В двух шагах от нее сидел бедный малый, которого грызло отчаяние, тогда как одно ее слово могло сделать его счастливейшим человеком. Но чтобы это осуществилось, нужно заговорить, выдать тайну Проспера, злоупотребить настоящим положением мадемуазель Превенкьер. А это-то именно и было немислимо. Где-то по соседству часы пробили восемь, и Проспер поднялся, точно очнувшись от забытья.

– Тебе пора, мой мальчик, – сказал отец. – Ведь ты уезжаешь на поезде в половине девятого?

– Да, батюшка.

Молодой человек был немного бледен, но бодрился, и на его лице была приветливая улыбка. Сестра подала ему плащ и шляпу.

– Я провожу тебя на станцию, – сказала она.

– Не пойти ли и мне с вами? – спросила мадемуазель Превенкьер.

Несмотря на умоляющие взгляды Проспера, Сесиль отвечала, однако:

– Нет, посидите лучше с отцом, мадемуазель Роза. Ведь я сейчас буду дома.

Мадемуазель Превенкьер поняла, что молодая девушка хочет остаться с братом наедине. Ей представилось, что у них есть какой-нибудь невинный секрет, который надо обсудить вдвоем.

– В таком случае до свидания, господин Компаньон, – сказала она дрожащему Просперу, – и, конечно, до скорого...

– Да, сударыня, до скорого.

Он коснулся концами пальцев ее руки, которую молодая девушка протянула ему, улыбаясь, обнял отца и, провожаемый служанкой, вышел вместе с сестрою. На улице они с минуту

шли молча. Ночь была светлая, и небо, омытое недавней грозой, сверкало мириадами звезд. Дул свежий ветер. Наконец Проспер схватил руку сестры и сказал глухим голосом:

- Ну вот, ты слышала: ее отец возвращается, и для меня все кончено!
- Да разве мы не предвидели этого? – серьезным тоном спросила Сесиль.
- Разумеется. Однако я надеялся, что мое счастье продлится еще немного.
- Твое счастье! Увы, довольно жалкое и непрочное.
- Но все-таки счастье. А вскоре не будет и того!
- Ведь я предупреждала тебя, не следовало тебе с ней видиться.
- Чтоб не иметь возможности навестить и тебя с отцом? Это было бы уж для меня послед-

ней степенью горя. Я лишился бы всего зараз. Нет, я не жалею о прошлом. Радости, которыми я наслаждался среди вас, есть мое сокровище. Я сохраню о них восхитительное воспоминание. Если б я избегал ее, у меня не было бы и этой отрады. Но теперь не время вздыхать. Два года разыгрывал я роль несчастного влюбленного. Настала пора вести себя настоящим мужчиной.

- На что же ты решился?

– Пока она читала это письмо, такое счастливое для нее, такое роковое для меня, и пока вы обсуждали предстоящие события, я размышлял, совещаясь со своим мужеством и волей. В одну минуту передо мной промелькнули два последних года, и я пришел к тому заключению, что если я много выиграл в этот срок с нравственной стороны, зато понес материальный ущерб. Я потерял понапрасну время. Я мечтал вместо того, чтоб работать. Я не добился успеха в своих открытиях и плохо подготовил свое будущее. Мне надо изменить свой образ жизни. Я должен стать иным человеком. Я чувствую в себе недюжинные силы, которые, если их употребить с пользою, приведут меня к успеху. Я хочу добиться его, ты понимаешь, и предстать перед нею преобразившимся от моего триумфа. Не надеясь внушить ей любовь, я хочу, однако, чтоб она гордилась мною и признала меня своим другом. Вот в чем поклялся я себе сегодня во время моих гордых размышлений, и поверь, я сдержу свое слово.

- Что ты намерен делать?

– Поехать завтра в Париж, побывать у Леглиза, поступить к нему на завод, потому что он готов дать мне место, и тут, среди усовершенствованных орудий и новейших научных приспособлений, закончить мои работы. Если мне удастся завершить свое изобретение, то будут обеспечены и богатство, и имя. Тогда из последнего общественного разряда я перейду в первый. Я не буду больше бедным зрителем за рабочими, а стану изобретателем, признанным, оцененным и равным всем тем, которые станут привлекать к себе взоры мадемуазель Превенкьер. Да, я сделаюсь человеком с именем, который заинтересует ее собою, подстрекнет ее самолюбие. И мое счастье опять вернется ко мне: я получу возможность видеть ее, говорить с нею. Чтобы достичь такого результата, я намерен удалиться. На этот раз моя жертва будет иметь серьезное основание. Я не схороню себя в провинциальной трущобе с отвратительной необходимостью повторять себе: я не должен с ней видиться, чтобы не утратить спокойствия своих мыслей; нет, я уезжаю, чтобы тем вернее приблизиться к ней, и это сознание ободряет меня, волнует восторгом, придает мне способность к самому упорному труду и неистощимому терпению.

Проспер шел по темным улицам, оживленно жестикулируя, и его пылавшее лицо сияло энергией. Сесиль слушала, не говоря ни слова, поработанная этой смелой решимостью, увлекаемая бодрой уверенностью брата. Она думала про себя, что он должен достичь своей цели, подхваченный сверхъестественными силами.

– Ступай, куда ведет тебя твое сердце, – сказала она, – и дай Бог тебе не пожалеть со временем о своей тихой жизни в провинции! Но мы-то потеряем тебя: ты перестанешь навещать отца.

– Отчего? Из Парижа так же легко попасть в Блуа провести с вами денек, как и из Шинона. Будь покойна, пока она будет у вас, меня не перестанет тянуть сюда, как магнитом... Когда же она уедет, вы сами переселитесь ко мне в Париж. Батюшка найдет в предместье домик,

который будет напоминать ему наше мирное жилище; там он сможет, как и здесь, разводить цветы. Я вознагражу вас за все, что вы сделали для меня, и мы заживем, счастливые нашим новым благополучием.

Сесиль улыбнулась.

– Ты мечтаешь, добрейший Проспер; твои планы слишком прекрасны, чтобы осуществиться так легко.

– Ничто не легко, – отвечал молодой инженер, – но все возможно при твердости и желании. Достичь успеха для меня вопрос жизни и смерти. Я добьюсь своего.

Они дошли до вокзала. Проспер обнял сестру и прибавил с уверенностью, которая почти убедила ее:

– Скоро вы получите от меня уведомление. Ступай домой, моя дорогая, и не сомневайся... Вот увидишь...

Он сделал прощальный жест и удалился твердой походкой, точно отправляясь на завоевание будущего.

Глава 3

В отеле Леглиза шел пир горой. Аллея Вилье у площади Александра Дюма была запружена экипажами, которые беспрерывно въезжали в высокие ворота и выезжали оттуда. С трех часов пополудни начался съезд, и число гостей все возрастало в великолепных комнатах нижнего этажа, выходивших в сад – зеленый уголок, напоенный благоуханием цветов. Знойное июньское солнце заливало яркими лучами толпу приглашенных, которые прогуливались по аллеям, поднимались и спускались по каменным ступеням террасы, входили и выходили из дома под музыку оркестра, исполнявшего томные вальсы.

На краю сада стоял киоск в виде сельского домика, где был устроен буфет и где сосредоточивалось главное оживление. Громкий разговор, звон посуды, шепот удовольствия сливались в несмолкаемый гул, доносившийся из душных зал под свежую сень сада и окружавший веселой гармонией блестящий праздник. Посреди лужайки, в бассейне с мраморными краями, горделивые и недовольные лебеди скользили по воде, оставляя за собой серебристые борозды.

Из киоска появился маленький толстяк, вооруженный фотографическим аппаратом, и, не шадя мягкой, как бархат, травы, пошел на поляну. Направив свой инструмент на пеструю толпу, он принялся делать моментальные снимки с буфета и теснившейся возле него публики. Прогуливавшиеся в одной из аллей двое молодых людей – две парижских знаменитости, романист Буасси и Лермилье, любимый живописец американок, – остановились против фотографа.

– Взгляните, пожалуйста, Буасси, этот дуралей Тонелэ уж принялся за свое ремесло, – со смехом сказал Лермилье. – Чего доброго, он подцепит там все парижские флирты.

– Курьезно то, – подхватил писатель, – что здешний буфет служит как бы приютом адюльтера [Адюльтер – *супружеская неверность, измена*]: в нем только и видишь, что разрозненных жен и мужей!

– А вы заметили, как Томье увивается вокруг мадемуазель Превенкьер? Потеха!

– Что-то скажет патронесса?

– Пока она ничего не подозревает, еще куда ни шло; но вот если у ней явится подозрение, тогда берегись!

– Неужели вы думаете, милейший Лермилье, что Превенкьер окончательно вернулся в свет? Этот человек как в воду канул, а теперь опять появился на горизонте. Вы доверяете поправке его финансов?

– По крайней мере, он купил отель Рюффен в аллее Буа и заплатил за него девятьсот тысяч франков чистоганом. В доме Леглизов Превенкьера принимают, как весьма солидного господина.

– Но ведь дом Леглизов уже не тот, что был, Они ползут под гору, эти Леглизы!

– Чему трудно поверить, судя по их роскоши!

– Пускание пыли в глаза! Гольдшейдер, не стесняясь, говорит, что кредит завода весьма незначителен.

– Ну, так вот, если вы считаете Гольдшейдера авторитетом, то знайте, он говорит всем и каждому, что у Превенкьера ай-ай какой толстый карман.

– Теперь понятно ухаживание Томье за его дочерью.

– Значит, он котируется, Томье?

– А еще бы! Он живет на остатки бывшего шика.

– И метит на приданое девицы. Богатая женитьба – богадельня инвалидов для бывшего кутилы.

И они прошли дальше, направляясь в комнаты. Здесь гости толпились вокруг хозяйки дома. Остановившись у группы декоративных растений, маскировавших вход на ее половину, улыбающаяся госпожа Леглиз принимала новых посетителей. У нее на всех находилось при-

ветливое слово, а ее черты выражали беспечную веселость. В своем белом платье она казалась совсем молоденькой. Золотистые волосы обрамляли ее несколько бледное лицо точно сиянием. Она нервно теребила в руках ветку жасмина. Между счастливым выражением взгляда и лихорадочной торопливостью жестов внимательный наблюдатель подметил бы странное несоответствие. Молодая женщина разговаривала игривым тоном с несколькими важными лицами солидных лет.

Буасси и Лермилье вошли в дом из сада через распахнутую настежь дверь и остановились на минуту на пороге, чтобы полюбоваться общим видом приемных комнат. Здесь перед глазами зрителей переливались всевозможные цвета, мелькали изящные платья, скользили ножки в изысканной обуви и стояли смех и говор: дамы прогуливались под руку с кавалерами в безупречных рединготах [Редингот – *длинный сюртук, также особый покрой дамского пальто, напоминающий сюртук*], с видом победителей; молодые девушки проходили группами, представленные самим себе, под гарантией взаимного надзора; дельцы разговаривали с прожигателями жизни, а прожигатели жизни старались выпытать у дельцов полезные сведения. Двое друзей остановились у камина, украшенного камелиями, и, затерявшись в толпе, продолжали свой разговор.

– Взгляните на госпожу Леглиз: она дорого бы отдала, чтобы бросить здесь этого старого идиота Вальфрона, который так рассыпается перед ней, между тем как Маршруа посмеивается с загадочным видом. Вам нравится эта личность, Буасси?

– Вот уж нет, терпеть его не могу! Он смахивает на сущего негодяя.

– С тех пор как Леглиз сделался любовником его сестры, госпожи де Ретиф, он безвыходно торчит здесь в доме и так похож на кота, подстерегающего мышь!.. Кроме того, ему везет: уж слишком большое счастье в картах.

– А кто такая эта госпожа де Ретиф?

– Прехорошенькая женщина, не очень молодая, которая проживает по двести тысяч франков в год, не имея, насколько известно, и двадцати пяти тысяч дохода. Довольно обыкновенный тип. Таких особ найдутся в Париже сотни.

– Значит, дама двусмысленного поведения?

– Ну, нет, поднимайте выше. Держит она себя превосходно, тон изысканный, привычки безупречны, респектабельность полная. Исключая то, что она имеет свидания с Леглизом в укромной квартирке на улице Прони, невозможно ничего сказать на ее счет. Горничная госпожи де Ретиф никогда не замечала за ней чего-либо предосудительного, никогда лакей не находил нужным кашлянуть, отворяя дверь гостиной, при своем входе. Одним словом, внешние приличия соблюдены до мелочей. У этой красавицы есть братец Маршруа, который сопровождает ее в свете. Как видите, все обставлено благопристойно.

– В таком случае, она честная женщина, как Маршруа – благородный человек, за что можно поручиться в известных пределах.

– Ну, я бы не стал ручаться. Но такие женщины, как госпожа де Ретиф, нужны. Без них мы пропали бы со скуки. Ведь если б мы не встречали хороших, изящных, умных дамочек, которым можно все сказать и от которых можно на все надеяться, то нам оставалось бы только отплыть на Мадагаскар, чтобы собирать там самородки золота и распространять смешанную расу от негритянок.

– Несомненно, что дом, где мы находимся, чистая находка для молодого человека. Здесь его встречают с распростертыми объятиями.

– И удерживают в них.

– Эти бедные женщины пропадают от скуки.

– Они умеют искусно скрывать свою игру.

– В таком случае, они скрывают только это.

– С утра до вечера здесь идет пир горой. Ешь, пей, играй, люби, сколько хочешь. Возле помещения привратника есть загородка для велосипедов, чтоб можно было остановиться мимоездом, рассказать сплетню, перекинуться в картишки или повидать нужного вам человека. Это казино с бесплатным входом, клуб, где не рискуешь быть забаллотированным. Кто молод, красив собою, богат, имеет знакомства и связи, тот будет здесь всегда желанным гостем, и у него не спросят, откуда он или что ему надо.

– Черт возьми, и без того известно, что каждый ищет здесь развлечения! Развлечение – самое важное дело для этих господ, которых точит безысходная скука. Они жертвы праздности. В голове у них ни одной идеи. Следовательно, им надо заменить полезные занятия суетой. Их язва – ничегонеделание. Если б, на несчастье, они имели способность поразмыслить хоть на одну секунду над своим образом жизни, то отшатнулись бы в ужасе. Отсюда их потребность развлечений, их безумная жажда наслаждаться, их бешеная страсть к веселью. Они желают приятно проводить время до самой смерти.

– Хорошо, – сказал Лермилле, – но ведь перед смертью-то их подстерегают еще болезнь, расслабленность, старость.

– Ах, милейший, вот о чем они никогда не думают! Этого, по их мнению, с ними никогда не случится. Состариться, быть больным – какой вздор! Этому подвержены люди трудящиеся. Удовольствие сохраняет человеческие силы. Да здравствует кутеж!

– Друг мой, вы смотрели на этот мир в качестве живописца и видели только одну внешность. Но если б вы взглянули на него с точки зрения писателя, то есть несравненно глубже, то увидали бы нечто более важное, более страшное и опасное. Этот кутеж, в котором принимают участие все собравшиеся здесь, не что иное, как фарс, исполняемый напоказ статистами на сцене балагана. Настоящая пьеса разыгрывается за кулисами. Среди этой светской ярмарки снуют люди рассудительные, холодные; в то время, когда другие пляшут и напиваются, они обдeldывают свои делишки, удовлетворяют свое чстолюбие, сколачивают деньгу и вносят правильно организованную деятельность практической жизни в ту среду, где безумие и прихоти комедиантов забавляют толпу. Один подстерегает легковверную жертву, которую легко провести на бирже, и находит ее. Другой ищет повышения в армии или в судебном ведомстве и, действительно, подвигается вперед. Этот покровительствует какому-нибудь промышленному заведению, навязывая покупателям за дорогую плату его произведения. Тот имеет в виду богатую женитьбу. Пока женщины смеются, поют, болтают, франтят, все мужчины преследуют какую-нибудь полезную цель. Кутеж – не более как блестящая вывеска, прикрывающая товар. Удовольствия – не что иное, как лоск денежных афер.

– Вот вам благодатный психологический материал; здесь вы можете черпать готовые сюжеты для романов. Остается только их записывать. Я также не могу пожаловаться, потому что нашел здесь целый ряд портретов и... – Буасси расхохотался.

– Черт возьми! Для нас удовольствие также не более как лоск наших афер. Когда я пускаюсь морализировать, мне, в интересах справедливости, следует применять и к себе эту критику нравов.

Пока друзья разговаривали таким образом, к ним присоединился Томье, дружески кивая головою. Здесь, казалось, он был как дома.

– Надеюсь, что вы не уходите? – спросил молодой человек. – Теперь-то и начнется настоящее веселье. Стеснительные личности исчезают, и мы сейчас очутимся в своей компании.

Отделившись от кружка серьезных господ, госпожа Леглиз медленно направилась к ним. Она была гибка, грациозна и точно скользила по паркету. Две дамы остановили ее на минуту, восхищаясь сегодняшним праздником; она выслушала похвалы с безмятежной улыбкой и пожала им руки, звеня браслетами. Наконец молодая женщина подошла к Томье, ожидавшему ее. Живописец и писатель искусно стушевались, чтобы не мешать им, и здесь, в цветущем

уголку, изолированные среди многолюдного общества, влюбленные нашли возможность обменяться наконец несколькими словами, первый раз за целый день.

– Кончена скучнейшая процедура, или около того! – заметил Томье.

– Да, время продвигается. Не знаете ли, где мой муж?

– С Превенкьером в саду.

– А мадемуазель Превенкьер?

– Под крылышком госпожи де Ретиф, которая для этого случая преобразилась в няньку.

– Не говорите глупостей! А как вы находите ее, эту малютку Превенкьер?

– Довольно милой.

– Вы с нею разговаривали?

– Ровно пять минут.

– Она умна?

– Может быть.

– Я видела ее только мельком. Она не изменилась с тех пор, как жила в Блуа. Как вы думаете, она нас узнала?

– На это я могу ответить вам в положительном смысле.

– Почему?

– Потому что, как только отец представил меня ей, она тотчас намекнула на нашу первую встречу. Эта девушка, по-видимому, нисколько не стыдится своей тогдашней профессии. По крайней мере, она говорила о ней весело и с чувством. Отсюда я заключил, что мадемуазель Превенкьер неглупая особа.

После минутного молчания госпожа Леглиз сказала с оттенком грусти:

– Сколько событий с тех пор! А между тем прошло всего два года.

– Вы сожалеете о них?

Она подняла глаза, посмотрела на Томье с выражением влюбленного раздумья и спросила, не отвечая на вопрос:

– Любите ли вы меня так же, как тогда?

– Гораздо больше!

Он взял ее под руку, она прижалась к нему, слегка дрожа, и промолвила:

– Тогда я не жалею ни о чем.

Как в зрительном зале после спектакля, толпа гостей стала быстро расходиться; в каких-нибудь несколько минут большая часть публики исчезла, и в гостиной, в саду, в буфетном киоске, вокруг оркестра остались только ближайшие знакомые Леглизов. Человек пятьдесят мужчин и дам разбрелись, кто куда хотел; одни сидели вокруг лужайки у цветочных клумб, другие перед бассейном, где лебеди обрели свою прежнюю безмятежность. Госпожа Леглиз и Томье любовались с террасы этим окончанием блестящей garden-party; они освободились теперь от всех забот и могли насладиться прелестью весеннего дня.

Заходящее солнце румянило деревья с их нежной молодой зеленью и обращало воду бассейна в золотое зеркало. Буасси и Лермилье стояли тут же, недалеко от хозяйки. По аллее шли, разговаривая между собою, госпожа де Ретиф и мадемуазель Роза с Маршруа и Превенкьером. Леглиз замешкался в группе дам, которые назывались в интимном кружке «домашними увеселительницами»; среди них первое место занимали; госпожи Варгас, де Рово и Тонелэ. Муж последней, с фотографическим аппаратом на шее, суетливый, взволнованный, делал моментальные снимки с последних гостей. Вдруг, после короткого препирательства с Леглизом, госпожа Тонелэ влезла на каменную скамью и кокетливым жестом приподняла юбку, обнаруживая пару изящных ножек, обтянутых чулками светло-коричневого цвета и обутых в черные лакированные туфельки. Потом она спрыгнула на песок и вернулась почти бегом к своим приятельницам на террасе, хохоча, как сумасшедшая.

– В чем дело? – полюбопытствовал Томье.

– О, пустяки! Этьен держал со мной пари на десять луидоров, что я не влезу на скамью и не покажу своих икр... я не задумалась! Он раскрыл свое портмоне, а я подняла платье... вот деньги!

– Пускай они идут на бедных! – подхватила госпожа Варгас. – Для тех, которые лишены икр!

– Все это чепуха! – продолжала госпожа Тонелэ. – Не все ли равно выставить напоказ свои ноги в саду в городском туалете или в Булонском лесу на велосипеде? Ведь они одни и те же, не правда ли?

– Допустим, так! – воскликнул Томье. – Но что сказал на это Тонелэ?

– Мой муж? Он сделал с меня моментальный снимок!

– Вот что значит завзятый фотограф-любитель!

Все три женщины принялись хохотать. Возле них сгруппировались мужчины, о которых теперь шла молва, что они пользуются благосклонностью, этих дам. То были: советник Равиньян, который пытался вышколить госпожу Варгас и заставить ее держать себя, как прилично подруге члена апелляционного суда, но, увы, безуспешно; маленький Бернштейн, богатый наследник банкирского дома «Бернштейн и Шлаф», двадцатидвухлетний юнец, белеющий и румяный, который держал скаковых лошадей, срывал в клубе банк на пять тысяч луидоров и содержал госпожу де Рово, что было известно всему Парижу, и, наконец, полковник Тузар, высокий драгун, сухощавый брюнет сурового вида, который пользовался расположением госпожи Тонелэ, за компанию со стариком Кретьеном, бывшим подрядчиком на Панамском канале; про полковника ходили слухи, что он поколачивал резвую дамочку, когда она заходила несколько дальше, чем следует, как это произошло сейчас. В данную минуту Тузар смотрел свирепо, и на его лице выступил багровой полосой глубокий шрам от молодецкого сабельного удара, полученного им под Гравелотой, когда он был уланским корнетом.

– Невероятный глупец этот Тонелэ! – проворчал полковник на ухо Буасси. – По крайней мере, Варгас и Рово не видят, как их супруги выкидывают коленца. Они занимаются делами и проводят время с пользой, тогда как этот дуралей только и знает, что возится со своими объективами.

– Э, полковник, если б он не смотрел все время в аппарат, то увидел бы много кой-чего!

– Так ему и надо.

По аллее, окаймленной нежно-зеленой травой, медленными шагами возвращались к дому госпожа де Ретиф и Леглиз, сопровождавшие Розу Превенкьер. Женщина, которая, по слухам, стоила так дорого Леглизу, была великолепная блондинка тридцати лет, с ослепительным цветом лица и голубыми глазами, с надменной и умной физиономией. Ее сгфрированные волосы разделялись пробором на темени, образуя два бандо на висках, и скручивались на затылке в высокий шиньон, прикрытый маленькой шляпой зеленого бархата, которая была подколота двумя бриллиантовыми шпильками. Тонкая талия, широкие плечи и упругий бюст госпожи де Ретиф были обтянуты атласным корсажем цвета нильской воды. Из-под ее юбки, грациозно колебавшейся при каждом шаге, выставлялся кончик миниатюрной лакированной ботинки, а под складками платья слегка обрисовывались роскошные формы ног. Она говорила о чем-то самым приветливым тоном; молодая девушка слушала ее со сдержанным видом, тогда как Этьен Леглиз смеялся беззаботным, ветреным смехом.

– Вы так прямо и вернулись к своей прежней жизни? – продолжала госпожа де Ретиф. – Те, которые забыли вас легче всего, оказали вам наиболее нежный прием, И вам простили вашу бедность, увидав, что вы снова разбогатели.

– Свет так низок, – сказал Леглиз.

– По-моему, нет, – возразила мадемуазель Превенкьер, – он только равнодушен. Неужели ему горевать при каждой катастрофе? Да ведь это случается сплошь и рядом! Ему поне-

воле приходится смотреть хладнокровно на людские несчастья. Но память у него тверже, чем думают. Он вас узнает, когда увидит опять...

– В цветущем состоянии.

– Ну, разумеется! Разве на бедняков обращают внимание? Их надо жалеть, ободрять, оказывать помощь. А это так скучно! Годы моего пребывания в Блуа я точно провела в путешествии. Меня увидели вновь такую же, как я была прежде: в тех же модных платьях и в собственном экипаже. Ничто не изменилось в моем образе жизни, и чувства моих знакомых остались прежними. Все это, пожалуй, далеко от рыцарского благородства, но зато необыкновенно практично.

– Во всяком случае, вам надо отдать справедливость: вы отлично делали шляпы, – подхватил, смеясь, Этьен. – И у моей жены был прекрасный образец вашего вкуса, который был удивительно ей к лицу...

– Вот как, – вымолвила госпожа де Ретиф, бросая на него вопросительный взгляд; она не знала, как молодая девушка примет это напоминание о ее недавнем прошлом.

– О, для госпожи Леглиз было нетрудно сделать шляпу к лицу! – спокойно возразила мадемуазель Превенкьер. – Однако вы еще помните этот маленький эпизод? Какая же у вас память!

Они вошли в гостиную, и Томье тотчас увидал их. Он в ту же минуту весь преобразился. Во время разговора с госпожой Леглиз у него был усталый и рассеянный вид. Но молодой человек сделался моментально приветлив и внимателен, как только заметил Розу. Эта внезапная перемена так бросилась в глаза, что хозяйка дома нахмурила брови и тревожно оглянулась в сторону мадемуазель Превенкьер. Но та, по-видимому, совсем не интересовалась Томье, тем более что в эту минуту хозяин дома представлял ей Буасси и Лермилье. Таким образом, госпожа де Ретиф и госпожа Леглиз очутились вдвоем; эти дамы не стеснялись и называли одна другую по имени, как самые близкие приятельницы. Маршруа и Превенкьер приблизились к ним в свою очередь. Госпожа де Ретиф обернулась с любезной миной к отцу Розы и приветствовала его очаровательной улыбкой.

Сухощавый, загорелый под африканским солнцем, со светлыми глазами под дугою черных бровей, с выбритым лицом, Превенкьер с первого взгляда производил впечатление ясности и решительности. Приятный, гибкий голос смягчал несколько резкий характер физиономии, при всем том его наружность ясно говорила, что этого человека не следует затрагивать. Однако госпожа де Ретиф как будто решила испытать на нем силу своих чар и старалась привлечь его внимание и взглядом, и улыбкой. Казалось, то был напрасный труд. Превенкьер чрезвычайно внимательно слушал Маршруа, который разговаривал с ним, понизив голос, и предмет их беседы, вероятно, был интересен, так как по тонким губам золотопромышленника блуждала улыбка.

– Все, что вы видите вокруг нас, – нашептывал ему брат госпожи де Ретиф, – не что иное, как декорация. За ней уже нет больше ничего, Леглизы, в продолжение пятидесяти лет стоявшие во главе торговли золотом в Европе, в последние годы пошли под гору. Леглиз старший, отец Этьена, умер, оставив завод своему сыну...

– С вами в качестве компаньона, – потихоньку перебил Превенкьер.

– Нет, только участника, – возразил Маршруа, – я не состою товарищем фирмы... Леглизы слишком горды, чтобы изменить свои порядки, но я распоряжаюсь управлением.

– Почему же тогда их дела идут плохо? – спокойно спросил Превенкьер. – Разве вы ведете их неудачно?

– Нет! Беда в том, что Этьен Леглиз хотя и отличный малый, но любит пожить на широкую ногу; его увлечения молодости обошлись очень дорого покойному отцу, и в настоящее время мы принуждены сократить производство за неимением капиталов. Вот почему я предложил вам сделаться участником этого предприятия.

- А разве вы не можете оставить его за собою?
- Я и не думаю о том.
- Значит, оно непрочно?
- Если б это было так, я не предлагал бы вам вступать компаньоном.
- Так как вы уверены, что меня не проведешь.
- Во-первых, да. Кроме того, я желаю иметь в вас своего союзника.
- В каком смысле?
- Вы обеспечили бы за мной безраздельное управление заводом.
- А как же тогда Этьен Леглиз?
- Его надо вон.
- Из собственного-то завода?
- Если мы не порешим этого малого, то другой подставит ему ножку.
- По крайней мере, это будете не вы.
- Какая чувствительность!
- Извините, пожалуйста: ведь я сейчас от дикарей.

Они замолчали и осмотрелись вокруг. Беззаботный Этьен болтал с мадемуазель Превенкьер и госпожой де Ретиф, которых забавляли остроумные, блестящие ответы Лермилье и Буасси. Томье и госпожа Леглиз примкнули к этой группе, которая сплетничала и хохотала под тихую музыку оркестра, исполнявшего последний вальс. И в собственном доме Этьена Леглиза, в трех шагах от него, в присутствии его жены, среди веселого праздника, обсуждалась гибель этого жалкого человека между двумя неумолимыми дельцами, которые с нескольких слов поняли и взвесили свою разрушительную силу. Превенкьер первый начал прерванный разговор:

– Значит, бедняга Леглиз обречен в жертву?

– Самим собою, – холодно отвечал другой. – Он умел только швырять деньги, накопленные отцом. В те времена, когда жизненная конкуренция доведена до крайнего пароксизма [Пароксизм – *припадок, признак болезни; обострение болезненного процесса, проявляющееся внезапно*], этот юный шалопай, вместо того чтоб управлять перворазрядным заведением, бил баклуши с такими же кутилами, как он сам, которые его объедали, да с любезными девицами, которые обратили его в скота. А пока он занимался приятным прожиганием жизни, пятьсот рабочих, куящих золото с утра до вечера, не могли выделать столько этого металла, сколько проматывал их патрон. Как вы хотите, чтобы предприятие шло успешно при таких условиях? Каждое дело требует распорядителя, а когда распорядителя не оказывается на переключке, тогда ищут другого.

– Хорошо! Ну, а госпожа Леглиз, какую роль играет она во всем этом? Чем занимается?

– Взгляните!

Маршруа иронически подмигнул Превенкьеру на группу, в центре которой Томье служил в настоящую минуту предметом внимания дам. Даже Роза смотрела на него благосклонно, потешаясь его игривым, насмешливым остроумием. Он спорил с двумя артистами с большим увлечением, но без малейшего педантизма, не давая прекратиться разговору, который так сильно заинтересовал всех этих светских людей, что они продолжали стоять перед гостиной, живописно убранной зеленью, позабыв всякую усталость. Видя такой успех любимого человека, госпожа Леглиз сияла непритворным счастьем. Превенкьеру все стало ясно с первого взгляда.

– А, так значит Томье? – лаконично спросил он.

– Да, Томье.

– Ну, плохо дело! Вы интересуетесь заводом Леглиза, а Томье его женой. Это слишком много для одного человека.

– Он так же пренебрегал женой, как и заводом. Но что нам за дело! Обратим внимание только на завод. Леглиз на днях попросит у вас шестьсот тысяч франков. Ссудите ему эту сумму с оговоркой, что, если по истечении срока векселя долг не будет уплачен, вы можете сделать вторичный взнос в шестьсот тысяч франков, который даст вам право поставить во главе заведения единственного директора по вашему выбору.

– Вас?

– Натурально.

– Вот как! Хорошо, приведите мне Леглиза хоть завтра утром; мы потолкуем.

Маршруа поклонился с улыбкой.

– Я не удивляюсь, что вы вернули свое состояние в четыре года. Вы человек весьма положительный.

Как раз в эту минуту в гостиной блеснул яркий свет, раздался глухой треск, как при воспламенении взрывчатого вещества, и из облака удушливого белого дыма послышался веселый голос Тонелэ:

– Не шевелитесь! Я сделаю с вас еще один снимок.

Наведя на присутствующих свой аппарат, поставленный на легкий треножник, он опять произвел взрыв своей лампочкой с магнием, после чего, хохоча во все горло, фотограф-любитель выступил вперед и раскланялся.

– Милостивые государыни и милостивые государи, имею честь вас поблагодарить!

Госпожи де Рево и Тонелэ возвращались в гостиную; начался обмен рукопожатий, звонких поцелуев и шумных приветствий на прощанье, после чего под хлопанье отворяемых и затворяемых дверей с праздника разошлись последние гости. Леглиз очутился один со своей женой и Томье. Усевшись в кресло и окидывая усталым взглядом затихший сад, Жаклина довольно долгое время оставалась в задумчивости, потупив голову. Молодая женщина, по-видимому, не обращала внимания на то, что говорилось возле нее, пока не поймала следующих слов:

– Эту девушку нельзя назвать красивой, но у нее умное лицо, и, вдобавок, она получит от отца великолепное приданое. Отличная партия для покутившего вдоволь холостяка. Послушай, Томье, вот бы тебе...

Здесь краска бросилась в лицо госпожи Леглиз, и она подхватила с внезапной живостью:

– Вы, кажется, беретесь за роль свата? Только того не доставало! Неужели эта старая дева заинтересовала вас до такой степени?

– Уж и старая дева! Сколько лет ты дашь ей, Томье?

– Лет двадцать семь, двадцать восемь...

– Ты, кажется, хочешь угодить моей жене!

– Во-первых, так, – сказал Жан, – а затем воздать должное истине. Впрочем, что мне за дело до мадемуазель Превенкьер?

– А кто не переставал увиваться за ней сегодня целый день, оказывать ей любезности?

– Это ради отца, – холодно отвечал Томье, – и в твоих интересах.

– Вот как! Это было бы любопытно послушать.

– Ничего нет проще. Госпожа де Ретиф, которая со своей стороны не переставала заискивать в Превенкьере, дала мне понять, что для тебя очень важно устроить любезный прием этому капиталисту в твоём доме; я старался подействовать на его самолюбие, тогда как госпожа де Ретиф пустила в ход кокетство. Обязаны же мы сделать для тебя что-нибудь, как она, так и я!

Этот ответ оттенялся такой дерзкой и грациозной иронией, что Леглиз не нашелся возразить ни слова. Он посмотрел, смеясь, на жену и воскликнул:

– Порадуемся, моя милая, что у нас с тобою такие преданные друзья! У меня – госпожа де Ретиф, у тебя – Томье. Как нам не успевать во всем с подобными доброжелателями! – Этьен

сделал несколько шагов по комнате и прибавил, возвращаясь назад: – А что мы будем делать сегодня вечером? Теперь семь часов, В доме все вверх дном, Мы поедем куда-нибудь обедать?

– Ну, конечно! У нас условлено с супругами Рово и Тонелэ сойтись с ними в Посольском ресторане. Госпожа де Ретиф также примкнет к нашей компании...

– Значит, всей ватагой?

– А потом отправимся в какой-нибудь театрик провести эстетический и пищеварительный вечер.

– Тогда я пойду, надену фрак. До скорого свидания!

Кивнув головой жене и приятелю, он вышел. После его ухода Жаклина встала с кресла. Она подошла к Жану и, положив свои красивые руки ему на плечи, устремила на него пристальный взгляд.

– Не лукавите ли вы?

Он привлек ее к себе и, касаясь слегка своими надушенными усами милого личика, произнес ласкающим голосом, между тем как его губы скользили от виска молодой женщины к ее губам.

– Зачем мне обманывать? Разве это было бы достойно и вас, и меня? Уж лучше я причинил бы вам горе, расставшись с вами прямо, вместо того чтобы позволить себе низкую измену. Мы не какие-нибудь пошлые существа, Жаклина, и узы нашей любви тем крепче, что они не имеют законной силы. Будь я вашим мужем, я мог бы променять вас на женщину вроде госпожи де Ретиф. Но я ваш любовник и обязан сохранить вам верность.

– Обязан, – с печальной улыбкой прошептала Жаклина. – Не люблю я этого слова! Когда мы обязаны, Жан, у нас может явиться желание уклониться от обязательства.

– Нет, когда мы исполняем его добровольно. А вдобавок, где я найду другую Жаклину?

– Мужчины часто оправдывают свою измену стремлением к разнообразию.

– Неужели в вас так мало гордости и вы допускаете мысль, что вами можно пожертвовать ради другой?

– О, прежде я была горда, а теперь мне кажется, что все мое достояние заключается в одной любви.

– Я не понимаю ваших опасений. Чем они вызваны? Неужели появлением мадемуазель Превенкьер в вашем кружке или нелепыми словами вашего мужа? Ведь он хотел нарочно вас уколоть...

– Он? Да он на это совсем не способен! Что ему? По малодушию, по необходимости он, пожалуй, способен на многое и даже на очень дурное, я еще допускаю это, но без причины, честное слово, нет! Если он говорил, как сейчас...

– Но что же вы, Жаклина, договаривайте...

– Нет, я боюсь, что вы рассердитесь. Объясните мне лучше обратную сторону этих людей. Отец – авантюрист, а дочь?

– Дочь? Да вы ведь сами знаете, модистка из Блуа, – со смехом отвечал Томье.

– Однако при свидании со мною она не намекнула ни полусловом на нашу тогдашнюю встречу. Почему это?

– Вероятно, потому, что ей нелестно вспоминать теперь о том, как вы случайно открыли тогда ее скромное положение, и она надеется, что вы или не узнали ее, или позабыли о ней...

– Вот уж неправда! Она сразу дала мне понять противное. В ее пристальном взгляде я тотчас прочитала такую мысль: «Ты пришла ко мне в магазин с кавалером, который не был твоим мужем, но обращался с тобой фамильярно, точно ты зависела от него; значит, этот человек был твой любовник. Вот он в трех шагах от тебя, по-прежнему обворожительный и милый. И я разговариваю с ним, и он мне нравится...»

– Ну, полноте, – возразил Томье, – это уж вы придумали сами, мой прелестный друг! Во всяком случае, могу засвидетельствовать, что ее взгляд, настолько выразительный для вас, не

был таким же для меня, а когда я предложил мадемуазель Превенкьер порцию мороженого в буфете, она поблагодарила меня тем же самым тоном, как благодарили другие дамы за услуги в этом роде.

– Но кто же, наконец, ввел этих людей ко мне?

– Маршруа.

– С какой целью?

– Вот уж не знаю! Под этим кроются махинации госпожи де Ретиф. Хотите, я вам скажу, что приходит мне в голову? Должно быть, дело идет о займе. Этьен сильно стеснен в данную минуту.

– Этот несчастный нас разорит, если не перестанет действовать так опрометчиво.

– Фирма прочна. При некоторой рассудительности все пошло бы опять по-старому и денежные затруднения уладились бы сами собой.

– А как по-вашему, Превенкьер очень богат?

– Н-да!.. Он купил отель в аллее Буа и обзаводится всем необходимым, как человек, который намерен проживать ежегодно от пятисот до шестисот тысяч франков... Если он нашел тепленькое местечко в Трансваале и орудует там промышленными предприятиями... ведь вы знаете, как скоро обогащаются в этой стране!

– А вас не встревожило бы то обстоятельство, что Этьен сделался должником Превенкьера?

– Ведь вы прекрасно знаете: он не станет со мной советоваться.

– В этом-то и беда! Он все делает втихомолку. В один прекрасный день и наш завод, и все наше имущество растают, как воск... Когда я думаю о том, мне становится грустно. Какая будущность ожидает нас? Неужели вы считаете Этьена способным, по примеру Превенкьера, покинуть родину, покинуть Европу и отправиться в страну с убийственным климатом поправлять свое разоренное состояние? Нет, Жан, поверьте, он сумел разориться, но не сумеет разбогатеть. Это один из тех людей, которые одарены необъятной способностью ко всему дурному, но не пригодны ни к чему путному.

– Строго же судите вы его, однако!

Молодая женщина гордо подняла голову.

– Если б он не заслуживал такого приговора, разве я охладела бы к нему? Если я полюбила вас, то потому, что он не был достоин моей любви и не сумел ее отстоять. Вы знаете, Жан, что я не была создана для порока, и если не добродетель, то гордость предохранила бы меня от дурного шага, но мой муж неожиданно возвратил мне свободу, приводя ко мне своих любовниц. Я отдала вам свое сердце, но вместе с ним и свою жизнь. А нарушив верность Этьену, который не дорожил ею, я хочу остаться верной вам. Сознаться, что я не резонерка, что я далека от требовательности и формализма. Насколько помнится, с тех пор как мы любим друг друга, я в первый раз касаюсь с вами этого предмета, и мы не будем к нему возвращаться более до того дня, когда вам вздумается меня покинуть.

Томье сделал жест, протестуя против этих слов, и нежно придвинулся к Жаклине. Она ласково зажала ему рот своей ладонью.

– Да, я верю, что ты меня любишь; я надеюсь, что ты не хочешь нашего разрыва... Я счастлива тем, что обладаю тобой, потому что ты прелестный и добрый человек. Поэтому запомни хорошенько то, что я говорю в настоящую минуту: не играй неосторожно моим сердцем, которое неспособно утешиться в твоей потере, и если ты заставишь его закрыться для счастья твоей любви, то знай, что оно не откроется больше ни для чего, кроме смерти!

– Сумасшедшая! Не угодно ли вам перестать говорить такие гадкие вещи? Это значит оскорблять жизнь, которая дает нам столько прекрасного.

– Ты меня любишь?

– Без сомнения, однако...

– Скажи только одно: ты меня любишь?

– Да.

Губы Жаклины прильнули к губам, которые произнесли слово, подтвердившее ее счастье.

– А не пора ли вам одеваться? – с улыбкой сказала она, отодвигаясь от молодого человека. – Иначе вы опоздаете!

– Это правда!

Он поклонился ей и, подходя к дверям, куда его сопровождал влюбленный взгляд, заметил на прощанье:

– Мы скоро увидимся!

Глава 4

Госпоже де Ретиф не всегда жилось приятно. Выйдя замуж в двадцать лет за дворянина из, Пуату, все имущество которого заключалось в полуразрушенном замке и незапятнанном имени, она изнывала в провинциальной глуши, не пользуясь никакими развлечениями, кроме охотничьих обедов. Последние устраивались, по бретонскому обычаю, от четырех до пяти раз в год и собирали шумную компанию охотников околотка. Ретиф, бравый мужчина с окладистой бородой, с широкими плечами, питавший большое пристрастие к вину и табаку, дорожил больше хорошей лошадью на своей конюшне, чем красивой женщиной у себя в доме. Скакать верхом сломя голову с охотничьим рогом на перевязке по следам «отседавшего» матерого волка было величайшим наслаждением для этого удальца. Провести двадцать часов в седле ему не значило решительно ничего, и зачастую случалось попадать в соседний департамент, увлекшись охотой, только бы под ним был мало-мальски сносный конь. После обеда или ужина, смотря по тому, в какую пору он возвращался домой, его единственным желанием было заваляться спать, и тут самой хорошенькой женщине в мире не удалось бы расшевелить этого немврода.

Валентина де Ретиф научилась презирать своего супруга, пренебрегавшего ею, и любовная хроника Пуату гласит, будто бы она, недолго думая, принялась развлекаться с одним милейшим малым из Фонтенэ-ле-Конт, очень хорошим музыкантом, по фамилии де Сент-Серг, а потом с драгунским офицером де Вальрэ. Тем временем, точно судьба благоприветствовала ей, дикий и грубый Ретиф переселился в лучший мир; смерть его была насильственная, причем даже не удалось хорошенько разъяснить, каким образом приключилось с ним несчастье. Одни полагали, что он хотел перепрыгнуть верхом через канаву в ночной темноте и убится до смерти. По мнению других, его пикер, которого он отдул хлыстом по голове за то, что тот не сумел найти следов зверя, подстроил ему это роковое падение с лошади. Так или иначе, неоспоримо было то, что Ретиф уже не дышал, когда его нашли в глубокой рытвине, и что помянули его при этом случае довольно кратким надгробным словом: «Славный был наездник, но какая скотина!»

Его вдова недолго оплакивала свою потерю в наследственном пепелище. Она села на поезд железной дороги и поехала к брату Маршруа, который одновременно вел рассеянную жизнь и обделывал делишки. Валентина была восхитительной блондинкой двадцати двух лет, и ей необыкновенно шел ее вдовий траур. Еще не выезжая в свет по случаю своего недавнего вдовства, она встретила Этьена Леглиза, тот влюбился в молодую вдову и не успокоился, пока не представил ее своей жене. Со времени его женитьбы прошло уже четыре года, и, конечно, он не оставался верен Жаклине и шести месяцев. У него была мания приводить к себе своих любовниц. Для его полного благополучия ему требовалось встречаться с ними постоянно и без всякого стеснения. Поэтому первой заботой Леглиза было знакомить их с Жаклиной. Будь он женат на женщине строптивой и капризной, которая не согласилась бы потворствовать его фантазиям, Этьен был бы несчастнейшим человеком в мире.

В начале их супружества молодая женщина не догадывалась, в какое положение ставил ее муж. Она не понимала его уловок.

Ухаживание Этьена за личностью, принятой у них в доме, несколько не шокировало ее. Но услужливая подруга открыла ей глаза. Это произошло в тот период, когда Томье начал скромно предлагать Жаклине свое расположение, зная, что он выбрал удобное время. Он искусно воспользовался гневом и негодованием госпожи Леглиз, когда она убедилась, что ее оскорбляют в собственном доме. С большим знанием отрицательных сторон жизни Жан показал обманутой жене всю бесполезность попыток вернуть себе мужа. Он ласково убеждал и уговаривал ее, советуя покориться судьбе. Томье предвидел, что для этой двадцатидвухлет-

ней женщины скоро настанет час отплаты, и решил не покидать своего поста, чтобы воспользоваться благоприятным моментом. Его суждения были веселы, а утешения деликатны. Он перечислял неудавшиеся супружества, не расторгнутые в глазах света, перед которым домашний разрыв прикрывался наружным согласием между супругами. Интересы у них оставались общими, а чувства становились независимыми; каждый пользовался свободой и щадил другого.

При таких условиях создавалась довольно сносная жизнь. Поутру муж с женой сходились за завтраком: «Здравствуйте!» Вечером за обедом: «Добрый вечер!» Пожатие руки, улыбка, банальный вопрос о здоровье, вот и все. А сердечные привязанности врозь: у супруга любовница, у супруги друг. И каждый из них относится снисходительно к выбору другого, с тактом и уступчивостью. Не лучше ли это, чем браниться, устраивать домашний ад, беспокоить поверенных, адвокатов, чего доброго, полицейских комиссаров, прибегая к бурным сценам или скандальным протоколам? Жизнь принимала опять мирное течение, благодаря взаимной терпимости; а неудавшееся счастье вознаграждалось повой любовью.

Мало-помалу испорченная примерами, которые были у нее перед глазами, убежденная красноречием Томье, Жаклина покатила по наклонной плоскости податливого и уступчивого порока. Муж почти содействовал этому падению, видя в ее связи с приятелем гарантию собственной безопасности. И она полюбила Томье, но полюбила искренне, сильно, с твердым намерением принадлежать ему одному и не допускать, чтобы другая женщина отняла у нее любовника, как отняли у нее мужа. Она примирилась с присутствием у себя госпожи де Ретиф и терпела ее, как терпела предшественниц Валентины. Мало того, эта блондинка с прекрасными глазами и роскошным телом внушала Жаклине восхищение. Госпожа Леглиз находила только, что Этьен слишком много тратит на эту женщину, и боялась, чтобы та не завлекла его чересчур далеко.

Госпожа де Ретиф со своей стороны выказывала величайшую предупредительность к Жаклине, ухаживала за ней, как за подругой, и никогда не позволила бы сказать о жене Этьена что-нибудь дурное в своем присутствии. Одно время Томье вскружил ей голову, но это скоро прошло. Теперь их обращение отличалось милой короткостью, которая еще более усиливала приятность супружества вчетвером. Этот союз, такой симпатичный и безукоризненный, возбуждал всеобщий восторг. Веселую распушенность молодых людей, их безмятежный разврат чуть не возводили в образец светской мудрости. Но их доброе согласие существовало теперь только наружно, и такой опытный глаз, как у Томье, начинал различать трещины в этом храме счастья. Аппетиты госпожи де Ретиф не знали границ. Делая вид, что она не тратит ничего, роскошная блондинка прямо пожирала деньги. Опытный в денежных делах, Маршруа имел неосторожность заметить в присутствии Томье: «Ежегодное содержание дома обходится моей сестре в двести тысяч франков». Эти слова ужаснули Жана, который также знал толк в деньгах. Он испугался за Жаклину, так как Этьен при его образе жизни, вероятно, тратил не меньше и на свой дом. Кроме того, связь с госпожой де Ретиф принуждала его к лишним расходам, следовательно, ему приходилось тратить вдвое. Беспечный и легкомысленный Леглиз шел таким образом к верному разорению, которое должно было неминуемо отразиться и на его жене.

Томье не мог отнестись к этому равнодушно и осторожно предупредил Жаклину. Однако молодая женщина приняла неутешительные вести довольно хладнокровно. Конечно, они огорчили ее, но что же делать? Могла ли она упрекнуть Этьена? Он непременно сказал бы ей: «Разве я отказывался когда-нибудь исполнять ваши желания? Разве у вас нет денег на покупку нарядов? Разве вы лишены роскоши и комфорта? Нет. Ну, в таком случае не спешите пугаться. Предоставьте мне вести денежные счета и не пророчьте беды, которую я считаю невероятной».

Тем не менее, госпожа Леглиз стала смотреть в оба и в особенности наблюдать за Томье. Ей показалось, что его предостережения совпали с некоторым охлаждением. Поэтому ухаживание Жана за мадемуазель Превенкьер было тотчас подмечено Жаклиной.

В тот вечер в кабинете ресторана с окном, выходившим на Елисейские поля, освещенные разноцветными фонариками кафе-концертов, супруги Леглиз обедали со своей компанией. Здесь непрерывный праздник этих кутил распускался в красоте и изяществе женщин и в несколько вялом веселье мужчин. То было расслабляющее и сознательное напряжение удовольствия, которое обратилось в такую же необходимость, как укол морфинмана, как привычный яд для алкоголика. Они веселились, смеялись, старались забыться, чтобы находить жизнь прекрасной, а свою участь завидной, чтобы не поддаться гложущей тоске, витавшей над ними. Еще одно усилие, и улыбка превратилась бы в гримасу, радость – в мучительную судорогу, а пресыщение подошло бы к горлу, вызывая чувство жестокой тошноты. Но до времени они веселились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.